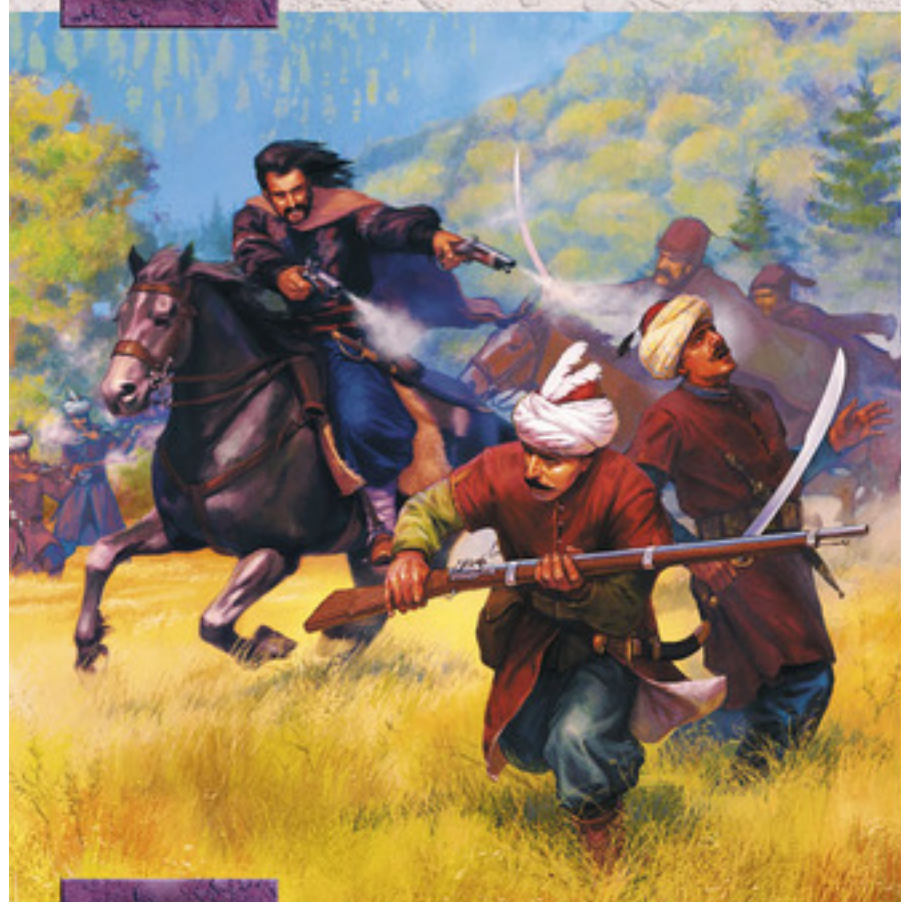

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВЕНТЮРА

АНДРЕЙ МУРАВЬЕВ

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

ГРОЗА ТИРАНОВ

Андрей Муравьев

Гроза тиранов

«Автор»

Муравьев А. Л.

Гроза тиранов / А. Л. Муравьев — «Автор»,

1799-й год. Суворов бьет французов, Наполеон штурмует Египет, а сербы воюют за независимость с турками. Балканы... Кругом шпионы, предательства, резня, засады, погони, штурмы, «этнические чистки». Власть над Римом, Миланом и Неаполем, как и над всем Средиземноморьем, переходит из рук в руки. В центр этой свистопляски попадают наши современники. И хотя гораздо проще было бы умереть, им придется выживать. И сражаться. Поднимай же простреленный флаг, барьяктар! Доставайте ружья и точите сабли, юнаки! История Балкан переписывается заново...

© Муравьев А. Л.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	6
3	9
4	10
5	12
6	13
7	15
8	16
9	18
10	20
Глава 2	24
1	24
2	26
3	27
4	28
5	29
6	32
7	33
8	34
9	36
Глава 3	38
1	38
2	40
3	42
4	44
5	46
6	48
7	52
8	56
9	58
10	60
Глава 4	63
1	63
2	64
3	66
4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Муравьев Андрей

Гроза тиранов

Родителям посвящаю.

Глава 1

Предложение

1

1799 год

Каракулучи¹ Хасан Тургер пнул неподвижное тело. Стоявший рядом кат угодливо подхватил связанного пленника подмышки, но и без его помощи было ясно, что говорить тот уже не сможет. Голубые глаза лазутчика горели безумием.

– Я ведь приказал тебе только допросить его? – голос османа звучал чуть глухо, но палач редко ошибался. Командир был взбешен.

– Прости, светлейший. У него оказался очень слабый рассудок.

Каракулучи гладил холеные усы, успокаиваясь. Палач, согнувшись в поклоне, хранил молчание.

– Ты сколько лет уже занимаешься этим делом, Али?

Палач согнулся еще ниже.

Янычар сорвался на крик.

– Пять человек! Я потерял пять человек, чтобы взять его! Реайа!² Кяфира! – горящий взгляд испепелял толстую фигуру. – Ты, жирная свинья! Я знал некоторых из них всю свою жизнь!

Он схватился за ручку кылыча.³

Палач рухнул на колени, потом распростерся перед взбешенным командиром. Тот закачался от приступа ярости, сжатые пальцы на рукоятке сабли побелели от напряжения... Минута... Другая...

Краска гнева медленно отступала с лица каракулучи.

– Аллах, да будет воля Его, учил прощать оступившихся... Поэтому я не зарублю тебя сегодня...

Палач шумно выдохнул.

– Но! – голос янычара звенел. – Если этот кусок мяса не заговорит до джумартеси,⁴ то в пазар ты будешь стоять на площади гнева рядом с ним! Ты слышишь меня, о Али?!

Палач Али Азик заскулил и попробовал ухватить янычара за подошвы желтых бабушей,⁵ но тот легко увернулся и пнул распластанного в пыли толстяка.

– У тебя три дня!

---

¹ Каракулучи – офицер (европейский аналог – лейтенант) янычар.

² Реайа (рейа) – здесь, крестьянин немусульманского происхождения.

³ Кылыч – вид сабли.

⁴ Субботы. Мусульманская неделя начинается с пятницы (джума, собрание), дальше идет суббота (джумартеси, день после пятницы), пазар (воскресенье), понедельник (пазартеси), вторник (сали), среда (чаршамба, четвертый), четверг (першембе, пятый).

⁵ Бабуши – сандалии без задника. Желтый цвет – цвет правоверного.

2

15 июля 2006 года. Будва. Черногория

Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. Под каждый глоток кислорода равномерный взмах рукой, движение ног. Он легко и быстро скользил в теплых лазурных водах Адриатического моря.

Еще два десятка метров от гудящего пляжа, и Алекс перевернулся на спину. Соленая вода позволяла пловцу без усилий держаться на поверхности. Благодать... Парень отдышался и нырнул. Море стремилось вытолкнуть тело, но пловец был упрям. Мускулистые руки и ноги уверенно несли их обладателя ко дну. Вот и галька. Из воды он высочил как пробка из бутылки, но с высоко поднятой рукой, полной осклизлых окатышей.

– Я же говорила, говорила! – Нелли не любила скрывать эмоции, демонстративно выражая все свои чувства. Шестнадцатилетняя красавица подпрыгивала и торжествующе размахивала полотенцем.

Иннокентий Макарыч поморщился, но отчитывать никого не стал. Размеренное существование на яхте слишком нравилось ему, чтобы омрачать жизнь разборками со вспыльчивой внучкой.

Алекс подплыл поближе и ухватился за поручень лестницы, опускающейся прямо в море.

– А мы поспорили с мастером на то, сумеешь ли ты достать до дна! – радостно выпалила девушка.

Он улыбнулся и ухватился за протянутую руку. Приятно, когда ты небезразличен.

Быть кому-то нужным было... забавно. Еще полгода назад жизнь Алексея Потемкина, кроме товарищей по общаге, могла заинтересовать только коменданта той же общаги да военкома.

Вытираясь большим махровым полотенцем, парень оглянулся.

Высокий седой старикан.

... Именно таким показался Иннокентий Макарыч в день их первой встречи. В читальном зале новой библиотеки. Практикант ковырялся в томах воспоминаний очевидцев Смутного времени, когда подошедший незнакомец спросил его мнение по поводу какого-то фолианта. Слово за слово завязался разговор, положивший начало необычному знакомству.

Иннокентий Макарович (старик предпочитал деревенское – Макарыч) Заволжский, старый потомственный колдун или ведун, как он любил сам себя величать, специализировался на предсказаниях и связях с умершими родственниками. Спиритические сеансы и поиск людей – все это приносило небольшой доход и кое-какие связи, а также нервотрепку, разборки, обиды и угрозы со стороны сильных мира сего.

Алекс сам не заметил, как стал работать на своего нового знакомого. Колдун мало интересовался окружающим, зато очень нуждался в человеке, способном собрать информацию о новом клиенте. Не для работы – нет! Для политики поведения. Ведь в хорошем деле самое главное – не вляпаться. А прослывешь один раз советником уголовников или свяжешься с криминалом – пиши пропало. Не один солидный клиент больше носа казать не будет. Обойдут, благо конкурентов хватает. Потому и решил мастер расширить круг своих помощников, включив в него молодого образованного знатока Интернета и прочих новомодных примочек.

Теперь у Заволжского было двое помощников: Нелли и Алекс.

И если появление среди ассистентов единственной внучки колдуна и, по-совместительству, потомственного (по матери) медиума было делом естественным, то принятие на работу студента без каких бы то ни было выдающихся способностей вызывало недоумение. Как бы высоко ни ценил себя Алекс, уровень своих навыков он знал хорошо и смотрел на жизнь без

розовых очков. Потому и спросил о выделенной ему роли в планах мастера сразу же после предложения о сотрудничестве.

Старик мялся недолго. Лгать он не любил.

По словам Заволужного, кроме знаний, в Потемкине колдуна привлекла еще и необычная аура. Она была какой-то странной, неправильной. Мастер утверждал, что при взгляде на человека он видит не только прошлое, но и будущее индивида: его взлеты, падения, поступки, выбор и, как следствие, вероятность развития судьбы. Все это идет как сложная сеть, переплетенная сотнями узелков, как целая груда колтунов, распутать которые и помочь распутаться клиенту – его главная задача. У Алекса же в сети был явный провал, будто кто-то вынул часть жизни, не оставив ничего взамен.

Потемкина такой ответ озадачил, но и только... Раздумывал студент недолго и с радостью принял предложение.

Теперь же пришла пора сполна наслаждаться прелестями нового вида деятельности.

Парень довольно потянулся в тени палубного навеса.

...Ясное до рези в глазах небо, чистая вода, хорошая пища, много солнца и мало забот – идеальный отдых.

Он улыбнулся и перевернулся на живот, сквозь прозрачную палубу разглядывая красоты моря. Под толщей воды отчетливо просматривались камешки на дне. Казалось, только поднырни немного, и вот оно, подземное царство... Романтика...

– Я, мастер, присмотрел вполне приличную виллу... Антураж там... Все дела... Кафель древний, как мамонтово га... Короче, будете довольны, – последняя фраза была явно лишней. Особенно из уст такого скользкого типа, как Сережка Бырлов.

Потемкин и Бырлов обменялись неприязненными взглядами. Помощник колдуна и представитель клиента недолюбливали друг друга.

А Нелли Сергей нравился. Высокий, симпатичный, с фигурой спортсмена – мечта любой девушки.

– А ванна там есть, в вашей вилле? – она отчаянно флиртовала с мордоворотом, но тот оставался невозмутимым.

– Этого я не проверял. Зато там клевая комната со старыми коврами и куча антиквариата. Самое то, для обстановочки.

Заволужный поправил:

– Для вашей обстановки, возможно... Для моей работы хватит и номера в гостинице.

Мелкие уколы – это все, что мог себе позволить старый знахарь.

Ситуация у них была аховой.

Несмотря на солнце, море, шикарную яхту и видимую свободу передвижения никто из них не чувствовал себя до конца свободным. Впрочем, по этому пункту следует пройти подробнее.

...Месяц назад в квартиру Заволужного в скромной многоэтажке заглянули необычные посетители. Среди клиентов ведуна часто попадались необычные личности, но тут дело действительно оказалось нерядовым.

Серьезные мальчики в аккуратных костюмах и тяжелых ботинках оказались сотрудниками некой коммерческой структуры, которой потребовалась помощь особого рода. Такое случалось и раньше... Только услуги, которые желал получить анонимный начальник Сергея Бырлова, оказались даже для колдуна необычными.

Не в том плане, что требовалось что-то невозможное. А скорее наоборот, им предложили поучаствовать в рядовом «кидке».

Один из основных акционеров коммерческой структуры, представленной к вниманию колдуна, недавно почил в бозе. Сам Сергей употребил термин «откинул копыта», но сути терминология не поменяла. Человек умер, а его жена, вернее, вдова, хотя и блондинка, оказа-

лась довольно крепкой штучкой. Вместо того, чтобы заглотить подачку от остальных акционеров-соратников покойного, она начала требовать независимого аудита, говорить о бумагах, архиве, оставленном покойным, называть заоблачные суммы. Положение дел усугублял интерес к активам усопшего со стороны некоего зарубежного консорциума. Ситуация, по словам Бырлова, сложилась патовая. С одной стороны, чай, уже не девяностые, когда дуру закатали бы в асфальт, а бумажки сожгли бы на могилке семейной четы, но с другой стороны, платить такие деньги акционерам очень не хотелось. Необходима была необычная идея по решению проблемы простым и «элегантным» способом. И такой вариант нашли.

Вдова, здоровая пятидесятилетняя тетка из Нефтеюганска, оказалась поклонницей оккультных наук и прочей антинаучной белиберды. Даже, случалось, обращалась к предсказателям и, по слухам, осталась очень довольной. Бырлов, которому поручили разработку этого направления, вышел на колдуна, произведшего впечатление на закусившую удила бабенку и имевшего, опять же по слухам, на нее определенное влияние. Так Заволжский попал в аферу.

Идея организаторов была проста: в Россию вдова даже носа не казала, предпочитая зарубежные курорты и агентства охраны, значит, ловить рыбку надо там. А наживкой послужит старый колдун, случайную встречу с которым и организуют люди Бырлова. Дальше – проще: старик впарит вдове идею о том, как правильно будет продать акции добрым дядям из компании, а не злым дядям из-за кордона, женщина поведется – и всем по большой конфете!

Попахивало от этого плана... Но выбирать не приходилось. Это только со вдовами бывших соратников дяди из компании были добрыми. И аргументы они предложили самые что ни на есть... с характерным щелчком взводимого курка и шелестом зеленых бумажек.

Заволжский согласился.

Таким образом, они уже неделю жарились под ласковым солнцем Адриатики, пока агенты Бырлова готовили почву для дальнейшей работы.

Вдове подпустили слух о том, что на побережье отдыхает великий колдун, потом подкинули и имя, которое она с радостью узнала. Остались только технические моменты.

Она позвонила сама. Встречу назначили на воскресенье. Осталось подыскать подходящее, по мнению Бырлова, место и отрепетировать постановку.

Колдун поморщился. Вдова просила организовать ей сеанс связи с душой умершего. Значит, будет советоваться с мужем.

3

17 июля 2006 года

Вчера вечером они осмотрели виллу.

Старый дом у подножия Кровавой башни в центре Херцег-Нови при тесном знакомстве не походил на фешенебельное жилище. Слишком обветшалый, на узкой улочке, с маленьким садом. Над въездом – рога тура, двор вымощен старинной плиткой. Дыхание старины... Причем, очень глубокой старины. Три этажа, по три комнаты на каждом, и пристройка, служившая когда-то конюшней, а после переделанная под мастерскую – все это не соответствовало образу преуспевающего мага. Именно так заявил Заволжский. Бырлов брюзжание проигнорировал.

За день нанятые сербки привели заброшенный дом в порядок. Полы блестели, мебель и лестницы сияли полиролью, потолок и стены вернулись к первоначальному цвету. Массивные занавески и частая драпировка скрывала то, что требовало большего времени и внимания: обветшалые окна и трещины в штукатурке.

Бырлов поглядывал свысока, будто он все это сделал своими руками. Впрочем, гордиться было чем – дом преобразился.

– Иннокентий Макарыч, у вас времени до завтрашнего вечера. Обживайтесь, входите в образ.

Бырлов махнул рукой в сторону одной из комнат.

– Там ребята прикупили то, что вам может понадобиться для антуражу... Ну... свечей, там... Книжек старых на латыни. Другой хрени.

Старик усмехнулся.

Представитель заказчика еще постоял, ожидая реакции. Потом откашлялся и неуверенно добавил:

– Надеюсь, завтра вы сработаете, как надо... Без выкрутасов.

Он еще потоптался немного.

– Ой, Серёженька! Какой у вас пиджак красивый!

Нелли выпорхнула из-за спин и тут же приникла к вытянувшемуся мордовороту.

– Кх... Эта... Версаче...

Нелли щебетала:

– Вот и я говорю: красивый! Он вам так идет.

Девушка огладила полы пиджака. Большие карие глаза, не отрываясь, смотрели в глаза собеседника, отчего Бырлов вдруг покраснел и смутился. Он нервно сглотнул, отступил на пару шагов и устремился к выходу.

– Так я на вас рассчитываю, Иннокентий Макарыч! До завтра!

Вослед ретировавшемуся бандиту захихикала юная ведьмочка.

4

– Ты посмотри, что у него в кармане было, – Нелли протянула Алексу сложенный вчетверо листок. – Правда ведь, я ловка?

Потемкин покрутил листок в руках.

– Да уж! Без куска хлеба не останешься. Если не за свой счет, так за счет государства...

Нелли надулась.

– Забавно... – Алекс взгляделся. – По-моему, это электронный билет на самолет.

– Чего?

– Бырлов себе забронировал местечко в самолете... В бизнес-классе... Шикует...

Девушка пододвинулась поближе.

– И куда?

Потемкин задумался.

– Куда? – Нелли потянула листок к себе.

– Правильный вопрос – когда.

– Не поняла.

Алекс показал дату билета.

– Завтрашний рейс до Вены... На полдень.

Внучка колдуна удивленно всматривалась в цифры.

– Так ведь мы только завтра вечером будем сеанс проводить...

Она подпрыгнула.

– Дедушка!

...Иннокентия Макарыча они нашли в главной зале дома на третьем этаже. Он вешал на стену большое зеркало в красивой оправе.

– Иногда и от бандитов бывает польза. Смотрите, какой раритет нашли.

Несмотря на внушительный возраст, зеркало и правда впечатляло. Тонкую резьбу золоченой оправы так и не смогло победить время. Само полотно лишь слегка потускнело. Если бы не полузатертая царапина по нижней планке, вещь казалась бы почти новой. Иннокентий Макарыч крутил зеркало, примеряя его на стену.

Внучка прервала деда:

– Ты посмотри, что Серёга Бырлов задумал! Он сматывается отсюда завтра!

Старик вздохнул, поморгал близорукими глазами и сел.

– Уф! Устал я...

– Дед, ты слышал?

Заволжский потер затылок.

– Голова что-то к ночи разболелась.

– Деда?!

– Слышал я! Слышал! Не волнуйся, все будет хорошо.

Нелли не унималась.

– А точно?

Тот усмехнулся.

– Я же предсказатель! Или ты деду не веришь?!

Внучка расплылась в улыбке.

– Верю...

Она чмокнула старика в щеку и упорхнула вверх по лестнице.

– Может, лучше все-таки убраться из города по-быстрому? – неуверенно предложил Алекс. – Похоже, они ставят не на нас. Как бы не сделали пакости какой.

Заволжский долго молчал.

– Нет, Леша. Мы не поедem... Я не вру, когда говорю, что вижу будущее...

Старик жестом подозвал собеседника поближе.

– Если мы уедem, у нас будет очень короткая жизнь... А если останemся... То тут по-разному...

– Как это?

Заволжужный вздохнул.

– Верь мне... Все будет хорошо.

5

– Солнышко, солнышко – жгучее, колючки, колючки – колючие.⁶

Потемкин как раз вышел из комнаты. Несмотря на слегка заспанный вид, он весело мурлыкал себе под нос засевшую в голове попсовую песенку.

На лестничном пролете его догнала неугомонная Нелли.

– Алекс, ты заметил, что высота цокольного этажа значительно ниже остальных?

Девушка выглядела озадаченной, что не мешало ей приплясывать на месте. Избыток энергии иногда просто пер из этого создания.

Потемкин остановился:

– Чего?

Нелли притопнула ногой.

– Снаружи все этажи одинаковы, а внутри цокольный этаж ниже.

– И что?

Ответом стал возмущенный взгляд.

– Почему?!!

Алекс честно попробовал задуматься. Видимо, со стороны это выглядело безнадежно. Девушка махнула ладошкой и умчалась.

Через час история получила продолжение.

Довольная Нелли перехватила Потемкина у ворот виллы, когда он шел на пляж, и вместо моря затянула его в пыльную комнатку второго этажа.

– Вот! – торжествующе заявила юная особа, тыкая пальцем в стену.

– Что?!

С хитрым видом Нелли подбежала к двери и с усилием нажала на наличник. Неожиданно тот ушел вглубь, и тут же часть стены с легким скрежетом провалилась куда-то вбок.

– Каково? – девушка наслаждалась эффектом.

Оценив ошарашенный вид спутника, она тут же вытащила из карманов коробок, пару зажигалок и старую газету.

– Я простучала пол, тут явно пустоты. А потом заметила, что часть стены тоже звучит по-другому. Вот и нашла!

– Да уж... Интересно, – Алекс заглянул внутрь провала. – А там что?

Девушка пожала плечами.

– Ничего... Видимо, сделали хранилище на всякий случай. Или тайную комнату, – она доверительно нагнулась к уху молодого человека. – Я узнала, что этот дом принадлежал турецкому палачу еще в конце семнадцатого или восемнадцатого века. Говорят, тут все пропитано ненавистью его жертв...

Она сделала круглые глаза. Алекс хмыкнул, а чуть позже рассмеялась и сама рассказчица. Популярный курорт не вязался в голове с давно забытыми тайнами.

– Пыль, пыль, пыль... Хотя бы тувельку какую оставил он там... Или саблю, – Нелли ткнула кулачком в наличник двери. Провал закрылся.

Тут же егоза вырвала у парня пакет, заглянула внутрь и заканючила совсем по-детски:

– Я тоже хочу на пляж.

Потемкин выругался. Придется идти вместе с этим постреленком в юбке.

---

⁶ Дискотека Авария «Песенка о Египте».

6

Вечером сеанс начался несколько позже запланированного.

Для начала Пежо-406 Купе клиентки не сумел проехать к вилле. Машина застряла на узких средневековых улочках где-то на половине пути.

А потом выяснилась и еще одна неприятная деталь. Дама была пьяна... Вдрызг.

И мнение покойного супруга о предстоящей продаже акций ее не интересовало. Вместо предполагаемых вопросов она обрушила на дух мужа целый ворох упреков, главным из которых было то, что тот утаил номер сейфа в одном из прибалтийских банков, в котором откладывал «камешки» на черный день. Теперь в адрес Нелли, говорившей голосом покойного, летели такие эпитеты, что понемногу закрадывались сомнения, уж не откопал ли почивший олигарх себе супругу в одной из столовок на буровой.

Останавливаться дамочка не собиралась, требуя от медиума выдать искомую тайну.

Алекс поморщился и покинул комнату. Пока мастер пробует вернуть клиентку к нужной теме, его помощь не требуется. Значит, можно перекурить или попить ледяного сока.

Потемкин спустился на два этажа (сеанс шел на верхнем) и заглянул в комнату с тайным ходом.

«Ишь ты! Уже и фонарик приволокла», – Алекс оценил подготовительные работы.

Видно, Нелли решила заняться тайной всерьез: моток веревки, зубило, молоток, два фонарика. Алекс ткнул ладонью в наличник. Стена провалилась. Он заглянул внутрь.

Ночью здесь было страшновато.

Сверху долетел вскрик.

Парень прислушался. Тишина... Затем быстрый взволнованный голос мастера, хлопки.

Потемкин кинулся вверх по лестнице.

Дверь распахнулась с одного рывка. А дальше время будто остановило бег...

Перед глазами Потемкина маячила спина невысокого мужчины, одетого во все темное. Чуть дальше валялся перевернутый столик для спиритических сеансов. Слева, на полу, лежало тело клиентки в неестественной позе. Из-под ее живота расплывалась лужа темной крови, левая нога еще шевелилась. Поодаль на полу сидел мастер, прислонившись к стене и держа на коленях голову лежащей внучки. Нелли выглядела бы спящей, если бы не быстро расползавшийся красный подтек на груди. Пятно росло на глазах.

Человек в черном повернулся к вбежавшему парню. Из прорезей вязаной шапочки на Алекса глянули тусклые глаза. Правая рука незнакомца пошла вверх... Вороненый ствол массивного глушителя...

Алекс инстинктивно метнул то, что сжимал в руках, и что было силы толкнул створку двери. Массивное полотно врезалось в косяк. Незнакомец легко уклонился от летящего фонарика и мягко, по-кошачьи, отпрыгнул. Хлопнул выстрел, дерево закрытой двери разлетелось щепками. Алекс бросился вниз по лестнице.

«Эта дура-клиентка еще и телохранителя отпустила! Следить за авто, чтобы „аборигены не растащили“. В Черногории!»

Потемкин летел по узкому проходу, с ужасом слыша за спиной шаги преследователя.

«Сережка! Бырлов! Сука!» – страх и ярость накатывали одновременно.

Нижний этаж...

Снаружи послышался хруст гравия. Еще один киллер?!

Парень метнулся в комнату, где оставался открытым провал тайника. Второй фонарик. Дверь. Тычок в рубильник. Плита с шелестом стала на место, на глаза навалилась темнота.

Стараясь не дышать, он вслушивался.

Снаружи протопали – это убийца добежал до цокольного этажа. Затем хлопнула дверь. Видимо, наемник решил, что «последняя мишень» пробует скрыться во дворе.

Алекс выждал еще пять долгих секунд и выбрался наружу. Пока киллера нет в доме, надо попробовать помочь мастеру. Время дорого!

Он взлетел по лестнице в залу спиритического сеанса.

Клиентка уже не шевелилась. Черты лица Нелли заострились, кожа пожелтела. А мастер был еще жив! Полузакрытые глаза, несколько подпалин от выстрелов в упор на рубашке и тихое бормотание.

– Иннокентий Макарыч, бежим! Внизу есть комната, там пересидим!

Алекс ухватил старика за руку и тут же полетел на пол.

Глаза колдуна раскрылись.

– Тихо!

Потемкин попробовал возразить, но рука Заволюжного перехватила его кисть как клещами.

– Моя линия жизни кончается здесь, но твоя и ее пойдут далее... – он хрипел все тише. Окончания слов скрадывались. – Ты должен успеть!

Старик подтянул парня к умирающей девушке. Затем всунул ему в руку уже холодеющую ладонь внучки. Алекс успел заметить, сам колдун опирается на поваленное старинное зеркало.

Шепот! Шепот! Шепот!

Голова полыхнула пожаром.

Алекс напрягся, но руки не выдернул. Заволюжный всегда знал, что делать.

Перед глазами поплыли круги...

Из-за края сознания донесся голос Иннокентия Макарыча:

– У тебя будет время! Спаси ее!

Последним, что донеслось до слуха, был шум открываемой двери.

Он падал в бездну...

7

Шепот! Шепот! Шепот!

Голова раскалывалась.

Алекс попробовал пошевелиться и понял, что связан.

Он медленно открыл глаза. Приятный полумрак.

Напротив раскачивался на полу невысокий оборванец. Черное от загара скуластое лицо, длинная седая борода ниже веревочного пояса, поддерживающего на тщедушном теле потертый восточный халат. Закрытые глаза, шамкающий рот. И пронимающий до кишок шепот!

Алекс перевел взгляд дальше.

– Клянусь Аллахом, ты сделал это! – возопил богато одетый толстяк и полез обниматься с оборванцем. – Ты сделал это! Ты настоящий *пир*!⁷ Это – чудо! Это достойно самого Абд-аль-Хазреда,⁸ да пребудет он в вечном покое!

Одно понял Алекс совершенно точно: кричал толстяк не на русском. И все его слова были... понятны?!

– Где я?

Слова родной речи с огромным трудом сходили с языка.

Толстяк недоумевающе глянул на связанного. Охрипший голос Потемкина остановил поток дифирамбов прекратившему камлать оборванцу.

А тот уже поднялся с пола. Видно было, что старика пошатывает. Теперь Алекс заметил, что сквозь дыры распахнутого драного восточного халата видны обильные, уже пожелтевшие синяки.

– Ты выполнишь то, что обещал, уважаемый?

Толстяк подобрал полы одежды и важно кивнул:

– Мои слова тяжелее золота, езид.⁹

Он хлопнул в ладоши. Из-за двери выглянул громила в кожаном мясницком фартуке на голое тело.

– Проводи уважаемого табиба.¹⁰

Алекс заметил, как толстяк подмигнул громиле. Тот, ослабившись, кивнул и призывно распахнул дверь. Старик, с трудом переставляя ноги, последовал за мордоворотом.

Толстяк повернулся к Алексу.

– Как же ты меня напугал, кяфирчик! Как же напугал!

– Где я? – слова турецкого языка звучали с легким акцентом. Потемкин сам удивился тому, что услышал. Это были его слова, его речь, его вопрос!

Лицо толстяка расплылось в улыбке.

– Неправильные слова, кяфирчик... Неправильные слова, ненужный вопрос. Ненужный, как пахлава к плову, дорогой... – он улыбался искренне, широко. Но от этого оскала веяло холодом. – В этой комнате только одна загадка нуждается в ответе – кто ты?

Толстяк взял с полки какие-то щипцы и нагнулся к телу пленника.

– Теперь я буду очень осторожен. Дважды, трижды осторожен, Аллах свидетель! Но ты... ты мне расскажешь все... Все, что знаешь... и даже то, что не знаешь!

---

⁷ Пир – здесь, старец-священник, носитель особых знаний.

⁸ Абд-аль-Хазред – автор книги аль-Азиф, позднее известной как «Некрономикон».

⁹ Езиды – курды, исповедующие особую религию, езидизм (Ирак, Турция). Подвергались гонениям в Османской империи как чертопоклонники.

¹⁰ Табиб – лекарь.

8

Его бросили в темницу только к утру...

Гад! Толстый гад! Улыбчивая жирная гадина!

Алекс попробовал перевернуться на живот и зашипел от боли. Спаленный бок обожгло огнем. Тут же заныли пятки, запульсировали изувеченные пальцы левой руки.

Этот жирный ублюдок раз за разом спрашивал, кто он... И не верил услышанному. Смеялся... Потом побелел... Кричал, чтобы кончал придуриваться... И пытал!!!

Стена перед глазами покрылась кровавым маревом. Это накатывала и отступала боль.

Во время пыток палач иногда обкуривал пленника странным дымом, притуплявшим чувства, но истязания не прекращал.

Теперь горело все... Кожа, мышцы, суставы...

Где он?!

Почему его истязает этот свихнувшийся азиат?!

Неужели это все – изощренная пытка хозяев Бырлова?! И за что? Почему так?

И наконец: как он понимает и говорит на совсем незнакомом еще вчера языке?

Язык во рту распух, хотелось пить.

Алекс медленно, нараспев произнес первое, что пришло в голову:

– Солнышко, солнышко жгучее, колючки, колючки колючие...

Правильный русский язык... Без акцента, хотя тембр, вроде, немного не его... Но это родная речь! Так почему же...

Его размышления прервали. Голос шел откуда-то из-за спины, из глубины камеры:

– Ты русский?

Он уже открыл рот для ответа и... замер... Опять чужая речь! И снова он все понимает! Какого черта!!!

– Ты русский?

На каком языке его спрашивают? В сознании всплыло: «Сербский». Черт! Теперь он понимает и сербский?! Вчера еще нет, а сегодня уже да?!

Послышалось шуршание. Кто-то тронул его за ногу... За сломанный палец.

– ДА!!!

Алекс перевернулся, громко матерясь от боли.

Напротив него в ошметках соломы сидел чернявый юноша его лет. Порванная рубаха и короткие синие штаны из грубой шерсти из-за дыр больше походили на макраме. Сам паренек был невысок, но жилист и... очень изможден. Глаза ввалились, разбитые губы покрыты коростой засохшей крови. Через прорехи видны кровоподтеки на теле...

Алекс слегка отодвинулся.

– Да...

Серб не сводил с его зачарованного взгляда.

– Значит, правда, что...

Потемкин прервал сокамерника:

– Где мы?

Серб запнулся и удивленно посмотрел на собеседника. Большие черные глаза. В них промелькнуло... сочувствие?

– Ты не знаешь?

Алекс взорвался. Орал он на русском.

– Чертовы бандиты! Я оставил записку у друга! Если вы не отпустите меня, все уйдет в ФСБ! В Интерпол! Вас посадят всех! За Иннокентия Макарыча вы ответите! И за Нелли!

Он набрал воздуха в легкие:

– Суки!!!

Серб молчал. Молчал коридор за дверью в камеру, молчало узкое, забранное решеткой окошко под потолком...

Он орал, не останавливаясь, еще минуты две, когда дверь в камеру, наконец, открылась.

Внутри зашел невысокий поджарый мужичок. Черное от загара тело, короткая безрукавка на серой, давно нестиранной рубаше, странная тюбетейка, короткие галифе и смешные тапочки на босую ногу, в руке короткая палка. Войдя, он лениво окинул взглядом камеру и поинтересовался на турецком:

– Чего кричишь?

– Кто вы? Почему? – вопросы не формулировались.

Тело разламывалось от боли.

Серб пополз в дальний угол, волоча замотанную в кровавые тряпки левую ногу.

Охранник нагнулся к Алексу и... Удар пришелся в кровавое месиво сожженного бока. Животный вой разорвал камеру. Потемкин скрутился в комок, на глаза наплыл туман... туман забытия... Сквозь который слышался голос охранника:

– Будешь верещать – не доживешь до завтра...

Вибрирующий где-то на уровне ультразвука вой был его собственным... Это последнее, что Потемкин понял, когда на его сознание упала спасительная пелена беспамятства.

9

В лицо плеснули воды.

Алекс потянулся. Какой кошмар... Приснится же...

Тут же кольнуло в боку, зашлась пульсирующей болью голова. Юноша медленно открыл глаза и тихо, сквозь зубы, выругался. Вокруг была все та же камера.

– Значит, не сон... – Он ущипнул себя за руку и ойкнул.

Покрывшийся коростой ожог взорвался в руке пламенем.

– Мля-я-я!!!

– Тебе плохо, русский?

Это серб с перебитой ногой. На его лице свежий синяк. Видимо, Потемкин что-то пропустил, пока валялся без сознания.

Боль стала обыденной, тупой, выматывающей. Но нельзя давать ей полной власти над телом – иначе захлестнет всего, растворит, превратит в скулящего зверя... Алекс подтянулся и присел.

– Да, мне плохо... – Он осмотрелся. Ни графина, ни другой емкости. Как же хочется пить... – Ты кто?

Серб выкопал из соломы кувшин с отбитой ручкой и протянул его Потемкину.

Теплая, с каким-то привкусом вода заструилась по глотке. Даже боль на мгновения отступила.

– Спасибо...

Серб кивнул.

– Я – Зоран. Зоран Митич.

Алекс протянул руку. Они обменялись рукопожатиями. Появился хоть кто-то, кого можно отнести к друзьям.

Зоран хотел бы продолжить расспросы, но и у Потемкина накопились свои темы для разговора.

– Где мы? Что это за бандюганы?

Оказалось, что он довольно свободно может изъясняться на сербском. Только со словом «бандиты» вышла легкая заминка.

Митича вопрос застал врасплох.

– Это – Херцег-Нови. Кровавая башня. А ты думал, ты где, русский?

Алекс облегченно выдохнул.

– Херцег-Нови... Слава Богу! И от Кровавой башни недалеко... Тут же сплошь туристы... – он указал на окошко. – Почему не кричишь? Даже если мы на отшибе – крик услышат... И позовут полицию, жандармерию. Кто там у вас?

Зоран удивленно уставился на русича.

– Это в Неаполе – жандармы... А в санджаке ничего такого нет. Здесь закон – Салы-ага, дахий. А в Которе и Херцег-Нови – его рука каракулучи Хасан Тургер, Кровавый Хасан... Ты же в его темнице...

– Где? – не понял Алекс.

– Здесь...

Потемкин отмахнулся и тут же скривился от боли. Левую руку жгло.

– Ты сказал «в санжаке»? Это где? Разве Херцег-Нови не в Черногории?

Серб усмехнулся.

– Не был он под владыкой никогда... – он удивленно посмотрел на собеседника. – А ты думал, ты где? В пашалыке?¹¹

Алекс завелся.

– Санжак? Пашалык? Почему я должен думать, что я не в каком-то... санжаке, а в пашалыке? Ты нормально можешь говорить?!

Зоран ответил с легким раздражением.

– Ну если ты не Белградском пашалыке, то значит в Скутарийском санжаке¹²... Неужели русские не могли подготовить тебя получше, если уж послали сюда?

Потемкин схватился за голову. Кругом психи... Он в психушке или лечебнице... Бырлов – тварь!!! Сюда запрятал, следы запутать хочет!

Он уже собрался опять заорать, требуя себе санитара, но... кровавое пятно на ноге серба не вязалось с лечебным заведением... Никак не вязалось... Да и его совсем даже не лечили... Если это и психушка, то очень частная и с прилично чокнутым персоналом...

Серб молчал. Молчал и Алекс.

– Слушай, а тебя то сюда за что? – Потемкин первым нарушил тишину.

Зоран пожал плечами.

– Янычары совсем с ума сошли. Хватают всех... Меня взяли за то, что рыбачил...

Сказано это было странным тоном... Будто собеседнику все сразу должно стать понятно. Впрочем, одно слово было явно знакомым.

– Какие янычары?

Митич указал рукой на дверь.

– Теперь здесь всё их...

Янычары, санжак, пашалык... Турецкий язык... Какие-то нехорошие ассоциации.

– Так ты говоришь, мы в Херцег-Нови? – еще раз уточнил Потемкин.

Серб кивнул. Нехорошие ассоциации начали формироваться в дурное предчувствие.

– А год сейчас какой?

Зоран посмотрел в глаза собеседника и медленно ответил:

– Второй...

– Чего?!

– Уже второй год, как ваши с османами сдружились... А от сотворения мира...

Алекс заорал:

– От Рождества! От Рождества Христова год говори, бля!

Серб запнулся.

– Одна тысяча семьсот девяносто девятый.

Боль, притупившаяся немного, от волнений нахлынула с новой силой. Тело затрясло. Почему-то своему избитому собеседнику русич поверил сразу. Только потрескавшиеся губы тихо констатировали:

– Жопа...

---

¹¹ Санджак (санжак) и пашалык – территориальные единицы османской империи, вроде края и области.

¹² С 1498 года турки считали Черногорию кадилуком, т. е. областью, управляемой одним судьей-кади, Скутарийского санжака. Де факто Черногория стала независимой после победы 3 октября 1796 года при Крузи, официально признана независимой султанским фирманом в 1798 г. Но Бока-Которская бухта с портами Херцег-Нови, Котор, Рисан и пр. все еще относилась к территориям санжака, «временно» уступленных Портой сначала Венеции, а потом Австрии.

10

Вечером его опять повели на допрос. Но теперь ситуация вокруг не казалось такой фантастической, как накануне. Кое-что он уже понимал.

Первое, он – в прошлом. Возможно, это все только происки умирающего мозга, схлопавшего пулю киллера. Возможно, бред впавшего в кому. Но пока не доказано, что все вокруг – мираж, для Потемкина это была реальность.

Мастер мог многое, видимо, кое-что он приберег на черный день. Теперь помощник ведуна сполна оценил величие своего недавнего патрона.

Из 2006 года он перенесся в далекий 1799...

Ужас...

Второе. Тело было чужим. Только то, что с самого начала пребывания тут его сразу подвергли пыткам, не дало осознать сей простой факт. Руки были чужими, ноги, пальцы более тонкие, рост пониже... Он нащупал на губе небольшие усы, которые поначалу принял за небридность.

Поняв, что тело, в которое прихоть умирающего колдуна забросила его душу, является посторонним, русич потребовал соседа по камере описать его новую внешность.

По словам серба, телу было лет двадцать пять – двадцать восемь, среднего роста, волосы черные, глаза – голубые.

Бред! Дурное наваждение...

Все это заставило Алекса почти на полчаса уйти в себя, так что даже слова раненого серба проносились мимо сознания, не задевая... И только когда уха коснулось знакомое слово, он очнулся.

– Россия? Что ты сказал?

Зоран, перебитый на полуслове, удивленно всмотрелся в собеседника.

– Я говорю, что я рад, потому как умру не напрасно... Если русские высадят здесь свои войска...

– Подожди! Я потерял нить разговора... Ты слишком быстро говоришь... Да и после удара у меня... небольшие проблемы с памятью...

Алекс тщательно вспоминал, что ему известно об этом времени... Мало, слишком мало. Наполеон, Франция, Австрия, гибнущая Османская империя, но ничего конкретного, ничего примечательного... Разве что он был уверен, что русских войск тут в ближайшие времена не будет.

– Расскажи-ка, друг, мне основные события последних... пяти лет. А то я сдавать стал...

Митич сочувственно посмотрел на товарища по несчастью, подвинулся поближе и скрипел от боли – нога.

– Извини, я тебя напрягаю, а ты ранен. Может, сделаем перерыв? – Алекс смотрел на свежие пятна крови, проступавшие через грязные холсты повязки на ноге собеседника.

Тот мельком проследил за его взглядом и криво усмехнулся.

– Бывало хуже... Да только что толку беречься, когда через день повесят?

– Меня? – не понял Потемкин.

– И меня... – еще раз усмехнулся серб. – Тургер не зря носит кличку «кровавый». Меня берегут к пазару, а тебя... могут и не со мной... Возможно, попробуют выкачать все, что знаешь, и тогда...

– Что я должен им сказать?

Серб пожал плечами.

– Тебе видней... Все побережье шумит, что турки взяли русского эмиссара. Я рад, что это – правда... Значит, наше дело не безразлично кому-то еще.

Алекс схватился за голову.

Блин! Попасть в прошлое в тело смертника!

Может, стоит рассказать туркам? Но что? Как убедить их в том, что он... Не виноват? Не русский?

Потемкин покачал головой.

Он жив, пока полезен им или они думают, что он может оказаться полезен. И только при этом условии. Значит... Надо постараться убедить их в этом... Поддержать уверенность, предложить что-то...

Голову ломило. Если бы только голову...

Серб опять что-то говорил.

Алекс напрягся. Теперь сокамерник – его единственный источник информации об окружающем мире. Кто предупрежден, тот вооружен? Пока нет, но, может быть, он сумеет уловить то, что даст ему возможность выжить... пока хотя бы выжить и не сойти с ума.

...В Османской империи дела шли плохо. Основная военная сила империи, янычары, давно перестали быть оплотом трона и больше занимались своими проблемами, чем делами государства. Конечно, когда задевались их интересы, то вечно склонные к бунту ага¹³ вели войска и на подавление мятежей, и на войну, но... это разъедало страну еще больше. Казна империи давно была истощена, а усаые капыкулу, «рабы султана», все требовали новых привилегий и льгот, денег и земель... А когда считали, что наград недостаточно, брали сами, и некому было их остановить...

Алекс читал о этом. В Османской империи значительная часть знати формировалась из числа бывших христиан, попавших в плен в раннем возрасте, либо взятых по девширме.¹⁴ Из новообращенных получались прекрасные слуги, не связанные с влиятельными семьями, не обремененные долгом перед ними, зависимые и благодарные только султану, его рабы... Это – в теории. Но, как воспитавший дикого хищника не может быть до конца уверен в животном, так и правители империи все чаще чувствовали себя в окружении выросших волков, сдерживать которых все труднее. У новых слуг не было многочисленной родни, но и долга перед памятью предков у них не было так же. Султаны Сиятельной Порты все чаще понимали, что уже не имеют рычагов давления на тех, кто их окружают. А почуявшие силу вчерашние слуги начинали пересматривать свою роль... и все чаще великие везиры назначались с согласия, а потом и по требованию тех, кто должен был оберегать империю, а не руководить ею.

Великую Порту лихорадило. Сановник, губернатор или военачальник – все, кто попадал внутрь этого гигантского механизма под названием государственное управление, чувствовали и видели, как слаба сейчас центральная власть, как мало значат на периферии фирманы султана. Чувство вседозволенности кружило головы. Один за другим те, кто должен был беспокоиться о могуществе страны, единстве нации, стремились урвать от ее кусок пожирней. Анархия и развал, упадок и деградация.

Султан Селим III, занявший престол в 1789 году, при поддержке группы единомышленников из среды высшей чиновничьей иерархии предпринял реформы «низам-и-джами», новый порядок. Он взялся сразу за все: экономику, администрацию, армию. Посягнул на всю систему. И среди прочего решил разогнать закостеневший янычарский корпус, давно ставший неэффективным и требовавший себе все больше привилегий.¹⁵

---

¹³ Ага – верховные военачальники янычар.

¹⁴ Девширме – налог крови, принудительный набор мальчиков, проводившийся в ряде христианских районов империи. Христианских мальчиков 7-12 лет отрывали от родной среды, обращали в ислам и отправляли на воспитание в мусульманские семьи. Затем их обучали в специальной школе при султанском дворе и формировали из них отряды войск, получавших жалованье от султанов. Наибольшую известность и славу в Османской империи приобрело пешее войско этой категории – янычары. Из этой же среды формировалось и османское чиновничество разных рангов, вплоть до великого везира.

¹⁵ Идея реформ, как и воплощение, было сложнее, но в пересказе серба звучала именно так (автор).

Естественно, такое решение вызвало бурное недовольство янычар как в столице, так и в провинциях, в том числе в пограничном Белградском пашалыке, населенном сербами. Совсем недавно это была арена боевых действий. Многие сербы воевали в составе добровольческих отрядов, фрайкор, на стороне Австрии против османов. После окончания войны часть из них в страхе перед расправой бежала за Дунай, в австрийские земли. Затем Белградский пашалык постиг голод, прокатилась эпидемия чумы, и это еще более увеличило поток беженцев. Но местных янычар это не волновало. Разделив страну между четырьмя военачальниками, которые назвались дахиями, они грабили и выжимали последние соки из тех, кто еще оставался. Один из дахиев, Ахмед Безумный, терроризировал и христиан и мусульман. Он убил пятнадцать сипахов, турецких землевладельцев. Новый белградский паша Бекир решил покончить с янычарами. Он созвал в Ниш сипахов, кметов, князей, предписал явиться Ахмеду Безумному и велел его убить на лестнице своего дворца. После этого паша прочел фирман от Порты, объявлявший амнистию янычарам за все прошлое, но изгонявший их из Сербии.

Кроме того, чтобы вернуть хоть часть населения стратегически важного пограничного района, султан Селим III даровал райе, то есть христианам Белградского пашалыка, определенные привилегии. Он перепоручил сербским кнезам права местного самоуправления, а для борьбы с изгнанными янычарами разрешил сформировать пятнадцатитысячный сербский корпус.

Возможно, это решило бы проблему надолго, но неистовый корсиканец, бич Европы и гордость Франции, в 1798 году решил покорить Африку. Вторжение войск Наполеона в Египет, все еще официально являющийся частью Порты, провинции, где были сильны позиции янычар, внесли свои коррективы в государственную политику Османской империи. Турция, порвав двухсотлетний союз с Францией, впервые в своей истории выступила на стороне Австрии и России.

Поначалу французы довольно успешно воевали. Наполеон занял Александрию и Каир, десанты республиканцев оккупировали средиземноморское побережье, принадлежащее немецкой Австрии. В том числе, захватили и Бока-Которскую бухту, которая после аннексии венецианской республики с 1797 года тоже принадлежала австриякам.

Затем пришла черед побед союзников. Нельсон и Ушаков властвовали в Средиземном море, блокируя египетскую экспедицию Наполеона. Суворов во главе русско-австрийского корпуса крушил лягушатников на севере Италии, где только Генуя еще оставалась верной республике. Англичане наступали в Бельгии.

Турки же взялись за то, что поближе. Десанты янычар, получивших амнистию и вернувшихся к власти, высадились на побережье Балкан и прошли огнем и мечом по своим бывшим землям. Австрия, чьи войска двигались на Париж и контролировали Италию, сквозь пальцы смотрела на такие действия союзника. У немцев были дела поважней.

– А самое плохое знаешь что, русский? – Зоран придвинулся поближе.

– Что?

Митич нехорошо ухмыльнулся.

– А то, что янычары сюда высаживались с ваших кораблей... Когда при виде русского флага местное население начинало ликовать, им на головы обрушивались турки.

Потемкин спохватился.

– Постой! Ты говоришь, что Россия и Турция союзники? Так почему же меня держат в темнице?

Серб покачал головой.

– Не понял ты... Видимо, и правда совсем памяти лишился... Когда же такое еще было, чтобы турки и русские вместе были? Враг у вас пока еще общий, да вот только интересы у каждого свои. Пока Франция сильна была, тогда и согласие было. А сейчас, когда австрийцы вот-вот возьмут Париж, турки все чаще начали оглядываться на своего северного соседа. Уж

больно король ваш, Павел, воевать охоч. Да и тебя, видно, не для прогулки высадили около границы Черногории, давнего российского союзника. Высадили ночью, тайно, как я слышал, да еще и с отрядом карбонариев.¹⁶

Он придвинулся и заговорщицки подмигнул:

– Ну что, русский, тебе и сейчас нечего мне рассказать?

Алекс удрученно покачал головой.

– А-а-а... Ну смотри, смотри... Друзья тебе ой как нужны нонче.

---

¹⁶ Повстанцев.

Глава 2

Алекс

1

И опять утром меня потянули на допрос. На этот раз толстый палач был не один. За его спиной у открытого окна сидел невысокий жилистый усач в ярких шароварах и безрукавке из дорогой тисненой материи, украшенной золотой вышивкой. Белоснежная рубашка, расстегнутая до пупа, только оттеняла загорелую кожу.

Я бы, может, и не обратил на него такого пристального внимания, если бы не пронзительный взгляд исподлобья. Карие глаза испытующе исследовали мои руки и лицо.

Еще один турок на мою голову!

Чем бы ни окуривал меня толстяк Али, действие обезболивающего закончилось еще до полуночи. Чтобы отвлечься, я постарался при свете дня осмотреть себя. В полумраке камеры и ночью такое было просто невозможно.

Блин! По-видимому, этот ухмыляющийся урод сломал мне пальцы на левой руке. За ночь вся кисть превратилась в пылающий опухший обрубок, пульсирующий и разливающийся болью каждый раз, когда я задевал что-то. Впрочем, вчера палач очень старался. Иногда казалось, что он даже больше меня заинтересован в том, чтобы я не терял сознания.

Что еще?

Приведший меня тюремщик толкнул в сторону кресла посередине комнаты. Обожженный бок взорвался, я сам не заметил, как закричал.

Сидевший усач недовольно гыркнул, и тюремщик отпрянул, как ошпаренный.

Пока Али Азик пристегивал меня кожаными ремнями к ручкам сиденья, главный турок выслал из комнаты моего конвоира и пододвинул свой табурет поближе.

– Али сказал мне, что ты понимаешь нашу речь?

Левой рукой турок перебирает четки... Нервничает? Пробует сдержать ярость? Не выдать своих чувств? Или просто набожный не в меру?

Слова долетают, как сквозь пелену. Все силы, все оставшиеся ресурсы я трачу на то, чтобы подавить отупляющую захлестывающую с головой боль, чтобы остаться человеком...

Толстяк, закрепив последний ремень, ткнул мне в лицо глиняную плошку с каким-то отваром. Горькая вязущая жидкость заполнила рот, проскользнула по пересохшей глотке и разлилась по желудку. От неожиданности я закашлялся.

Усатый дождался, когда душивший меня кашель отступит, и повторил вопрос.

Я кивнул – глупо отрицать очевидное.

Толстяк облегченно вздохнул, главный турок откинулся к стене. Мой ответ его по какой-то причине очень обрадовал.

Как же объяснить этим исчадиям позапрошлого века, что они ошибаются? Что я не тот, за кого они меня принимают?

– Я бы...

Но турок властным жестом прервал меня.

– Не надо... Али предупредил, что ты пробуешь замутить его, придумывая сказку, достойную придворного сказителя или базарного рассказчика... Не надо... Мне сказки не нужны...

Он волнуется. Явно волнуется...

Чего же этот турок от меня хочет?

– Я, уважаемый, не тот, действительно не тот, за кого вы меня принимаете...

Усатый криво усмехнулся, и эта гримаса была приговором моим словам... Как же донести до них мое, в полной мере, фантастическое происхождение? Неужели напрасно корячусь, сдерживая рвущийся наружу вой, и эти уроды так и не захотят, не смогут ничего понять?!

– Я – не русский шпион! Я родился...

И снова взмах руки. Только на этот раз – удар, и удар от души, со всей силы. В глазах потемнело. Кажется, он еще и челюсть мне свернул... Отличный удар, гаденыш, – я даже не успел головой дернуть.

Из-под крючковатого орлиного носа на меня плеснул огонь... пламя ненависти и презрения...

– Ты крепкий противник, кяфир... Не омрачай свою судьбу глупыми увертками... Они не к лицу мужчине... Ты храбро сражался, но проиграл свой бой. Скажи то, что нужно мне, и твоя кончина будет быстрой и безболезненной... Как будто уснешь...

Он поднялся.

– В противном случае... Если ты будешь упорствовать... Ты будешь умирать действительно долго и очень, очень неприятно...

Турок тербил четки. Выражение сурового, вытянутого вниз лица приобрело торжественное выражение.

– Но ты мне, кяфир, все сам расскажешь... А если и дальше будешь прикидываться душевнобольным... Али увеличит свое рвение...

Он сел. Четки так и мелькают.

Слова, которые я ночью подбирал в камере, замерли в горле. Слушателей здесь нет. Не для меня...

– Что? Что вы желаете знать?

Надо выкручиваться. Тянуть время.

Возможно, что-то всплывет в голове. Может, просто ситуация измениться. Окружающие походило на дурной, странный сон.

Турок нагнулся ко мне.

– Меня не интересует, как тебя зовут, русский. Откуда ты и что предпочитаешь на завтрак... Скажи, куда ты шел, к кому и... – он бросил взгляд через плечо на раздувающего в жаровне угли толстого палача. – И где ты спрятал то, что вез?

Ни на один вопрос у меня ответов нет...

Лицо усатого исказила гримаса. Он отступил и махнул рукой Али. Тот осклабился.

2

Я не помню, когда меня вернули в камеру. Был ли это тот же день или следующий... Ночь или новое утро...

На этот раз толстяк не давал мне дурманящего напитка, не окуривал дымом, даже заметных перерывов не делал – только остановки, чтобы поменять инструмент или заменить уголь в щипцах. И дальше... Он жег ноги, ломал мне суставы, вырывал ногти на все той же много-страдальной левой руке, пилил зубы, надрезал кожу и поливал мясо чем-то едким...

Я молил, умолял их подарить мне смерть. Я рассказал все: о себе, учебе, родителях, мастере, Сережке Бырлове. Я рассказывал о двадцатом веке, о веке двадцать первом, о войнах, оружии, полетах в космос... Я говорил бы, не останавливаясь, день и ночь, если бы пока я выдавливал из себя слова, меня не мучали. Плел бы, пересказывал, пел бы песни и вспоминал все, что слышал...

Но они не слушали.

Усатый турок, Али Азик звал его «Тургер-чорбаджи¹⁷», дважды менял свою «домашнюю» шапочку-феску на сложный головной убор со страусиным пером, порывался выйти и дважды возвращался. Чувствуя гнев начальника, потел и ярился толстый палач.

Меня обливали водой, когда спасительная пелена беспамятства накатывала слишком близко, оставляли на мгновение в покое, когда чувствовали, что подвели меня к краю... и пытали, рвали на куски, жгли, резали... Задавая все те же вопросы... Повторяя их... Снова и снова...

Я не помню, когда меня бросили в камеру. Все вокруг плыло, каждое движение вызывало хоровод боли. Я не мог причитать и плакать – только тихо выть.

Беспамятство накатывало волнами, оставляя в памяти короткие куски реальности, отравленные и изуродованные.

Серб спал.

Я дополз до него, вытянул из сена кувшин. Воду выпил, а сам горшок тихо разбил. Зоран спал. Его, видимо, тоже допрашивали. Возможно, сербу и было, что рассказывать. Мне – нет.

Острым осколком я раскромсал кисть левой руки, темная густая кровь закапала на грязный пол. Правую руку я вскрыл, зажав осколок губами...

Последнее, что я успел, это прочитать молитву... Тихо... Одними губами... Шепотом.

Перед тем, как на глаза навалилась мягкая, нежная подушка забытья, чарующего, желанного ничто, мне показалось... показалось, как сверкнули глаза сокамерника...

---

¹⁷ Чорбаджи – дословно «разливающий суп» (чорбу) – общее звание высших офицеров янычар.

3

– Ты будешь жить, кяфир! Будешь жить до тех пор, пока ты мне нужен! И умрешь тогда, и только тогда, когда я тебе разрешу!

Дьявол! Опять эта усатая рожа чорбаджи! Опять толстая харя Али! Неужели и после смерти мне от них не избавиться?!

Я лежал на грубой циновке у дверей собственной камеры. Было мокро.

Руки перевязаны и примотаны к телу чистыми холстинами. У стены переминается с ноги на ногу тщедушный старичок в богатой чалме и вышитом халате. В руках его звякает сверток. Умные глаза на мятом, невыспавшемся лице. Лекарь?

– Идите, Омар-эфенди, – Усатый отпустил облегченно вздохнувшего старичка. Значит, лекарь.

Не успел... Не смог.

Турок нагнулся к самому уху.

– ТЫ не умрешь, пока нужен МНЕ!!!

И уже Али размешивает питье и сует мне в губы очередную плоску.

Я замотал головой. Оплеуха. В глазах поплыло. Пока считал круги и стеклянных червячков, в зубы воткнули кинжал и залили в рот отвар. Сразу полегчало.

Я рванулся, попробовал зубами дотянуться до холстин, перегрызть.

Не смог... Не дали... И я уснул.

4

Сколько я валялся в беспамятстве, не знаю, но когда очнулся, солнце было уже высоко. Днем в камере было еще терпимо, но к вечеру комнатуха, где единственное окно выходило на запад, превращалась в настоящее пекло – к смраду и сырости добавлялась духота.

Вечер еще не наступил. В этом можно было быть уверенным.

Я был все так же спеленат, как и ночью. Обмотанный и перевязанный, как гигантская гусеница. Пришлось извиваться, рыча и чертыхаясь на каждом движении, чтобы только осмотреться. Моя камера. Точно моя. Но без серба. На куче сена в углу не было никого.

То ли на шум, поднятый мной, то ли так совпало, но двери заскрежетали и в «номер» заглянул тюремщик.

– Живой? – он ухмылялся.

По волосатой груди, выступающей через расстегнутую безрукавку, катились крупные капли пота. В пышных усах застряли кусочки чеснока и крошки хлеба.

– Живой...

Он зашел внутрь и перевернул меня на живот.

Сука! Бок! Обожженный бок!!!

Турок хмыкнул в ответ на мои проклятья. Он легко поднял меня и придержал, пока ноги не обрели устойчивости. Голова кружилась, сознание держалось где-то на самом краю, но я стоял.

Тюремщик снял путы с ног и пихнул в сторону открытой двери. Вот это уже лишнее. Калейдоскоп в голове крутанулся, и я упал. Рухнул на левую руку, прямо на сверток, в который закрутили то, что осталось от левой кисти. Я вроде даже что-то крикнул прежде, чем потерять сознание.

...Очнулся от качки. Двое тюремщиков волокли меня по лестнице вверх. Очнулся, правда, это сильно сказано. Восприятие реальности возвращалось урывками, обрывками, кусочками пазла, собрать который не было ни сил, ни желания. Я умирал и воскресал, исчезал из этого мира и появлялся вновь. Наверное, меня тошнило. Иначе, откуда на животе следы желудочного сока?

Сдохнуть... Я хотел только одного.

Окончательно я очнулся лишь в клетке.

5

– Тише, русский! Тише!

Это серб. Зоран.

Острый взгляд из-под черных бровей. Он избит так, что может только хрипеть, но, видимо, все-таки сохранил какие-то силы.

Кроме нас, в клетке еще два длинных и худых крестьянина и один коротышка во вполне европейском сюртуке. Сюртуке?! Фантазмагория! Нескончаемый сон! Бред!!!

– Говори тише и стони тише, русский!

Мы все валяемся на полу просторной клетки, установленной на краю открытой площадки. Вид великолепный. Красота. Залив, горы, лазурное море, парусники, кусты, устилающие склоны близких гор – все нереально яркое после полумрака тюрьмы. Я морщусь и рычу от рези в глазах.

Толстяк Али в плотном кожаном фартуке проходит мимо, оглядывая нас. Он скептически хмыкает. Все подбираются, принимают по мере сил гордый, независимый вид. А мне все равно – сдохнуть бы!

Через минуту подходит один из его подручных, подзывает Зорана и вручает ему через прутья решетки плошку.

Я сам ползу к нему. Руки по-прежнему спеленаты, и серб, громыхая наручными кандалами, поит меня спасительным отваром. Боль притупляется, отходит... Хорошо.

Теперь можно обстоятельно осмотреться.

Мы на площади, открытой площадке амфитеатра. По краям возвышаются стены крепости. Медные бока пушек, десяток похоже одетых солдат в высоких шапках, зеленый флаг с полумесяцем и вязью цитат из Корана.

Все знакомо, знакомо! Я видел это место, уже видел. В той, далекой жизни.

Амфитеатр рассчитан мест на триста, но заполнен едва ли на четверть. Сидят толстые турки в богатых халатах, пяток чиновников в потертых европейских костюмах, «потурченные» сербы или «осербленные» турки в их фесках, офицеры, капитаны кораблей, всякая шваль. Среди них и тот усач, который командовал моим допросом.

Перед нами площадка, на которой проверяет свой инструмент палач. Он в красной повязке, прикрывающей половину лица, но не надо много усилий, чтобы опознать в этой туше давнего знакомого Али.

Толстяк что-то насвистывает. В хорошем настроении, видимо, тварь.

Турки галдят, обсуждают новости. Щелкают фисташки, попивают какое-то пойло. Пара прислужников из местных постоянно обновляют пиалы и чашки. Это – времяпрепровождение, отдых местного бомонда, элиты, мать их!

Рядом со мной молятся сербы. Тихо, слаженно. Турки не мешают.

Я узнал это место! Кровавая башня! Туристическая достопримечательность Херцег-Нови – вот она! Только неприлизанная, грязная, еще более пыльная, чем сотни лет спустя. Зато с начищенными пушками.

Отвар ли это действует или долгое пребывание в полумраке дает себя знать, но каждая деталь врезается в сознание. Яркая зелень, пыль на ногах, далекое синее-синее море, кладка стены, капля пота на плече остановившегося у клетки прислужника. Он переставляет пиалы на подносе и поднимает упавшую дынную корку.

На площадке появляются попик и мулла. Попик немолод, изрядно потрепан и испуган, мулла уверен, дороден и полон достоинства.

– Зачем мы здесь? – хриплю Зорану в ухо, но тот не отвечает.

Скоро все прояснится. Откуда-то из недр башни на белый свет выволакивают высокого немолодого мужчину. Следом – паренька. Оба одеты в лохмотья, лица – сплошной синяк. У старшего перебиты ноги, младший еще стоит сам. Они пробуют что-то кричать, но их ставят на колени и затыкают рты.

Попик над их головами что-то тихо гундосит. Рядом крутится мулла. Кто они? Я задаю этот вопрос сначала Зорану, потом соседу. Мне не отвечают – сербы молятся.

Старшего из оборванцев поднимают на ноги. Пожилой старикан в зеленом, до пяток расшитом халате и белоснежном тюрбане зачитывает грамоту. Это приговор. Я улавливаю знакомые слова: заговор, сопротивление, разбой, убийство... поспание, что-то еще. И в конце – «смерть».

Немолодого приговоренного о чем-то спрашивает мулла. В ответ мужчина крутит головой.

Двое подручных Али, поддерживающих смертника в стоячем положении, подтягивают его к плахе. Толстяк в красной повязке подымает ятаган. Минуту назад он рубил им тыквы – проверял заточку.

Взмах – и кисть правой руки отделяется от тела. Приговоренный воет, рвется из рук, но помощники толстяка знают свое дело – смертника прижимают к земле, обрубок перехватывают жгутом.

Зачем? Его помилуют? Я ослышался? Сербы в клетке не прекращают молитву. Значит, это не конец.

И точно. Воющего от боли смертника тянут к стене крепости, выходящей на город. Палач отходит к странной конструкции, напоминающей «журавля», которым в деревнях достают воду из колодцев.

Пленника обвязывают веревкой, пропуская ее под мышками, и поднимают в воздух. Он теряет сознание. Тем лучше – от животного воя уже подташнивает.

Я пробую молиться со всеми. Помогает. Голова понемногу проясняется.

Али смазывает заостренный кол, установленный в стене башни. Связанного, потерявшего сознание серба подтягивают на «журавле» и подвешивают над этим заостренным столбом. Двое помощников хватаются за ноги. Али отходит к закрепленному рычагу подъемного устройства.

Вой! Длинный, тягучий, нечеловеческий. Так кричат животные, когда их режут. Так кричат люди, когда их убивают.

Я был готов, думал, что готов, но меня бьет дрожь и выворачивает. По рядам турецкой знати прошелся одобрительный говорок – удачно, видимо. Меня колотит, сербы вокруг молятся. Смертник орет на колу, когда помощники палача все глубже насаживают его.

Когда же я сдохну в этом страшном поганом мире?! Я не хочу справедливости, мести – просто сдохнуть... чтобы все прекратилось...

К палачу волокут младшего. Его глаза безумны – губы шепчут молитву, но глаза... глаза уже безумны.

Я прикрываю веки. Не хочу этого видеть...

Над ухом голос Зорана:

– Ты слышишь меня, русский?

Киваю.

– Сегодня позовешь тюремщика и потребуешь встречи с каракулучи. Кровавому Хасану скажешь, что все, что ты вез, ты закопал у Петроваца, на месте старого засохшего источника...

Он ткнул меня в плечо. Больно! Губы его шевелятся, будто он все еще шепчет молитву.

– Ты слышишь меня, русский?

Я киваю.

– Там глубокая балка, ее хорошо видно с дороги. Ты не ошибешься. Веди их по ней столько, сколько сможешь. Увидишь белый платок, привязанный к ветке, падай и лежи, как мертвый... Ты понял меня, русский?

Я снова киваю.

– Тебя теперь будут держать в отдельной камере, но ты, русский, не бойся, – голос его крепчает. – Мы еще повоюем.

Его прерывает вой – младшего смертника волокут ко второму столбу.

Когда вой стихает, сербы молятся.

Я молюсь вместе с ними...

6

– Мы с тобой хорошо понимаем друг друга, кяфир? – каракулучи спокоен, внешне спокоен, но его ус предательски дергается.

Чего они все хотят от меня? Что такое сделал тот, в чье тело забросила меня судьба и воля умирающего колдуна? Что вез? Список мятежников? Оружие? План восстания или час вторжения? Русские не высаживались в Адриатике – значит ли это, что слабость моя или неудача того, чью оболочку я занял, тому виной?

Вопросы, вопросы...

Тело ломает. Рука распухла, боль в переломанных пальцах пульсирует, глушит мысли, лишает разума...

– Мы с тобой правильно понимаем друг друга, неверный? – голос янычара доносится как через толстую подушку.

В углу Али Азик раздувает угли жаровни. В комнате и так духота, а тут – угли. Меня заливают пот. И мне все равно, чем это закончится. Утешает лишь то, что, по-видимому, сербы подготовят моим мучителям ловушку. Значит, смерть и муки будут не напрасны.

Янычар, господин Тургер-чорбаджи, ждет.

Я киваю...

Он доволен.

– Там...

Он замолкает и косит глаза на толстяка. Странно... Что же такого тайного я вез, что ты опасаться своих же, османский ублюдок?

Каракулучи подбирает слова. Али все также ворошит угли.

Когда же я сдохну?!

– Там все, что ты должен был доставить?

Киваю.

Губы мои разбиты, осколок левого верхнего клыка, стесанного палачом, кровянит и при каждом движении распухшего языка готов взорваться. Я не ем уже третий день. Только пью – жевать невозможно.

Янычар аж светится.

– Завтра ты покажешь, где это место?

Чего же он так хочет? Выслужиться? Не важно... Завтра ты сдохнешь, сдохнешь вместе со мной, усатая тварь!

А пока я прячу глаза и киваю. Все, что он хотел услышать, я уже сказал.

7

Завтра мы не выехали.

Каракулучи рвал и метал. Мне казалось, что Бог услышал мои молитвы и я, наконец, подох в этом гребаном миру пыток и боли. Казалось...

Рана на руке воспалилась, бок горел, я потерял связь с реальностью.

Когда сознание возвращалось, около меня хлопотал старичок лекарь. Весь сухонький, в богатом тюрбане. Как потом оказалось, в беспамятстве я провел два дня.

...Потом очнулся.

Бок замотан, пульсирующая боль исчезла, рука тоже в чистых холстах, каждый палец перевязан отдельно, осколка зуба во рту нет – удалили.

На столике рядом со мной куча блестящих инструментов, баночки с мазями, плошка, ступка для растирания трав, горелка и кувшин с водой. На мне – новая чистая рубаха, да и камера, вроде, другая.

У стены спорят старичок-лекарь и толстяк Али. Палач горячится, лицо его напоминает помидор.

Я окидываю взглядом столик. Вот он – скальпель, маленький острый ножик, мое будущее, мой пропуск в другой мир.

Левая рука зафиксирована. Видимо, чтобы не поранить себя, когда мечусь. Я тянусь правой...

Руку со скальпелем перехватывают – Али или лекарь приставил сиделку, невысокого чернявого парня. Ножик забирают. Я теряю сознание...

8

Выбрались мы утром четвертого дня.

Легкая канонерка перевезла нас через Бока-Которскую бухту в Радовичи. Отсюда мы движемся растянувшимся караваном по старой дороге, проложенной вдоль побережья.

Дождутся ли нас? Не решат ли, что план сорвался? Не знаю, не хочу даже думать об этом.

Я не имею представления, куда мы едем, где то село, как мне себя вести.

Боль действительно отступила, слегка улеглась, но я все еще очень слаб. Меня стараются не дергать без дела.

Каракулучи приказал уложить меня на арбе. Повозка, влекомая парой флегматичных мулов или ишаков, трясет безбожно, но это лучше, чем седло. Со мной рядом сидит погонщик и паренек, ученик лекаря. Именно он удержал мою руку со скальпелем тогда, в камере. Зовут его Боян, он – босняк, т. е. босниец, в смысле, из Боснии... Мне все равно.

Впереди по дороге скачет десяток всадников, разведка осман. При виде их в голове всплывает их название – «топракли»¹⁸. Это легкая кавалерия, глаза и уши янычар.

Есть и пехота. Тругер взял с собой полсотни солдат. Они – профессиональные воины. С такими силами каракулучи нечего опасаться... По крайней мере, это он так думает.

Мы едем.

Выезжаем затемно, пока солнце еще не залило все изнуряющим зноем. И то ладно. Жара меня доконает.

Спрашиваю Бояна, как далеко до Петроваца? Говорит, что к полудню будем там. Хочется верить.

Каменистая узкая дорожка, серпантином петляющая по местным горам, осталась сербам еще со времен Рима и с тех пор, по-видимому, так и не ремонтировалась. Раз за разом мы останавливаемся перед очередным завалом или размытой дождями трещиной. Каждую остановку солдаты настораживаются, обшаривают кусты на склонах, изгатавливают и перепроверяют ружья. Только каракулучи верхом на своем берберском жеребце остается невозмутимым.

Волнуются все. Каждый чего-то ждет.

Топракли проверяют каждый поворот дороги. Они все время на скаку. Видимо, рассчитывают унести на своих лошадках от пуль местных партизан.

Про балканское сопротивление османам я читал, но более полную картину окружающего получил от Бояна. Ученик лекаря мандражирует и за неимением другого слушателя засыпает меня потоком информации.

Турки держат под контролем только побережье. Вглубь гор они соваться не любят. Там – Черногория, леса и долины, свободные от потурченцев, анклав православия среди мусульманского мира.

В Цетине, столице, находится владыка, глава местной церкви и правитель края. Взять с горцев нечего. От сборщиков налогов они легко скрываются, уходя вместе с семьями и немудреным скарбом за облака. Зато в случае вторжения способны превратить каждый склон родных гор в ловушку. Османская пехота не может тягаться с местными в выносливости, кавалерия здесь бесполезна. Турки пробовали прислать сюда курдов, таких же горцев, но мусульман. Но местные на то и местные, что прекрасно ориентируются у себя дома. Пришлых вырезали на раз-два, и даже костей потом не нашли.

Потеряв в этих ущельях десяток паш, победоносных генералов Великой Порты, султан разочаровался в идее ассимиляции местного населения. Империя, перемалывающая любые

---

¹⁸ Топракли – провинциальная легкая кавалерия, аналог европейских конных егерей и карабинеров.

народы и не терпящая никакой государственности, кроме своей, отступила перед упрямым карликом. Два года назад Цетин получил формальный суверенитет, признав вассальные обязательства.

Османь старались контролировать дороги.

С годами Черногория превратилась в балканское Запорожье. Сюда бежали те, кто был недоволен новым порядком. В основном, сербы, но были и хорваты, католики-албанцы, греки.

Здесь формировались и уходили на промысел на мусульманские территории империи отряды православных партизан-разбойников, гайдуков. Как некогда запорожские чайки наводили ужас на побережье Крыма и Трапезунда, так мобильные выносливые четы «юнаков», молодцев, как себя называли гайдуки, заставляли трепетать владельцев тимаров и их сборщиков налогов на Балканах. Молниеносные, удачливые, неуловимые.

– Робин Гуды, блин, – я сплюнул сгустком пыли.

Боян отказывался выдать остатки болеутоляющего отвара, а без этого напитка мое настроение резко шло вниз.

Наверное, это наркотик, возможно, я – уже законченный нарик. Но лучше так, чем пульсирующая боль по всему телу, скручивающая в жгуты каждую мышцу, каждую косточку, и разламывающаяся голова.

Чего он такого желает, этот лейтенант янычарских войск, сосланный из столицы глубоко на периферию? Я вгляделся в лицо Тургера...

Кровавый Хасан. Ему нет и тридцати, усы длинные и пышные, но хорошо видно, что турок еще молод. Хотя какой из него турок? Морда – славянская, взят, наверное, еще мальчонкой. Возможно даже, что он серб...

Каракулучи закутился в седле. Нервничает. Если тут так беспокойно, почему взял только полусотню?

Спрашиваю Бояна. Ученик лекаря словоохотлив. Хорошо.

– Юнаки редко собираются отрядами больше, чем тридцать человек. Тяжело прокормиться, да и приметно больно. Кроме того, их вожди слишком любят власть и независимость. Как крупный улей всегда начинает делиться на два, так и бандиты отпочковывают новую шайку от ставшей слишком большой.

Я скептически смотрю на полусотню пехоты. Два удачных залпа и...

Мысли прерывает босняк:

– Янычары – отменные воины и отличные стрелки. Гайдуки не будут лезть в бой, когда не знают приза. Чтобы напасть на такой отряд, надо много золота, – он усмехнулся. – А на такой арбе казну не перевозят.

Я не перечу... Увидим... Осталось недолго.

9

Я прикорнул под навесом повозки. Боян сдался и дал мне допить отвар, так что боль отступила, и я отключился.

Спал долго.

Когда крик янычара выдернул меня из объятий Морфея, солнце уже клонилось к закату. Мы двигались с опозданием.

Ученик лекаря радостно ткнул рукой в сторону десятка мазанок на склоне следующей горы – Петровац. Значит, уже рядом.

К возку подскакал Тургер.

День прошел без неприятностей, и предводитель янычар немного расслабился. Он уже не так зыркал по сторонам, не грыз ус и походил на нормального человека.

Я окинул взглядом окрестности. Туда! Балка и правда отлично просматривалась с дороги.

Топракли спешились. Склон слишком крут.

После короткого совещания кавалеристы, десяток янычар и арба остались на дороге, а меня подхватили подмышки и поволокли вниз. Чертовы горы!

Один из янычар задел обожженный бок. Я отпихнул турков и показал, что желаю идти сам. Тут же четверка солдат окружила меня плотным кольцом, следя за каждым движением.

Покрепче сжать зубы и вперед!

Турки вытянулись длинной узкой цепочкой на едва различимой пастушьей тропе. Хорошо, что путь идет вниз. Тут метров пятьсот. Всего-то! Но уже через двадцать шагов кровавые круги перед моим взором слились в хоровод, земля приподнялась и стукнула по губам. Я рухнул. Наверное, не будь рядом Бояна и охранников, я закончил бы жизнь в одной из узких расщелин со сломанной шеей. Меня успели подхватить. И поволокли дальше.

Тропа опускалась все ниже, фигурки солдат на дороге понемногу превращались в точки. Когда ко мне подходил каракулучи, я упрямо тыкал рукой вперед, и мы двигались дальше. Спуск был тяжелый, усталость от похода брала свое – то один, то другой из солдат закидывали ружья за спину, чтобы освободить руки.

Отряд прошел уже половину балки, когда к Тургеру подбежали разведчики. Один из них протянул командиру небольшую белую тряпочку. Янычары крутили ее в руках, передавая друг другу.

– Батист? – донеслось до меня.

Все сгрудились вокруг странной находки.

А я уже падал.

Залп окутал кусты плотными клубами дыма.

У стоявшего передо мной янычара снесло половину головы. Его мозги забрызгали мне рукав. Кровь убитого темными густыми каплями расчертила пыль у лица в причудливую паутинку. Слева заваливался второй конвоир – две пули разворотили ему грудь.

Я оглянулся.

Боян, держась за развороченный живот, пробовал отползти в кусты. Дальше в последних конвульсиях содрогались еще двое моих охранников.

Отряд проредили больше, чем наполовину. Те, кто выжил под первым залпом, срывали с плеч ружья и выцеливали кого-то в окружающих зарослях или палили наудачу по сгусткам дыма. Зажатые между склонами балки, растянувшиеся, лишенные привычного строя, янычары начали сбиваться к своему военачальнику, размахивающему саблей и дергавшему с перевязи пистолет.

Второй залп разметал даже это некое подобие строя.

Их осталось всего с десятков. Израненных и ошарашенных стрелков во главе с офицером, который спешно уводил остатки воинства из-под огня. Нападавшие все еще не показывались, в то время как сами турки были как на ладони.

Тургер подзывал тех, кто укрылся за ближайшими кустами.

Усатая тварь! Я нащупал ружье мертвого янычара. За спиной затих ученик лекаря, вторая пуля местных налетчиков вошла ему в грудь, отбросив от меня почти на метр. Жаль парнишку.

Взвел курок. Стрелять одной рукой было неудобно, лежать на горящем боку – больно. Но моя цель слишком быстро уходила из зоны поражения, чтобы я мог обращать на это внимание.

Выстрел слился с третьим залпом. Еще пятеро янычар упали бездыханными, двое закачались, зажимая новые раны.

Каракулучи схватился за бок. Мой?!

Тургер обвел затравленным взором поле боя. На мгновение наши взгляды встретились. Он застыл.

Я усмехнулся ему в харю... Ты сдохнешь здесь, тварь. Сдохнешь! Теперь я уверен в этом.

Моя рука выворачивала из-под мертвого охранника второе ружье. Каракулучи вскинул руку с пистолетом. Жерло ствола заглянуло в меня, гипнотизируя, привораживая к месту.

Ну, значит, вот и все... Бог услышал мои молитвы. Жаль только...

Выстрел!

Пуля врезалась в землю у правого плеча, брызнув в щеку осколками кремня.

Уф-ф-ф...

Моя очередь. Ствол пляшет, в глазах плывет, но я должен попасть. Должен!

Грудь турка будто выросла в размерах, стала ближе. Он пятится назад... Я не дышу...

Тяну курок... Мягко, нежно, как только умею.

Лупит по железу кремень, искры устремляются вниз, что-то пыхает... Но выстрела нет! Кровь предыдущего владельца залила полку, забила запальное отверстие! Дьявол!!!

Раненого каракулучи подхватывают, уносят. Османы бегут, но мне уже не до них. Последние силы ушли на то, чтобы попробовать сквитаться.

Янычары исчезают за поворотом, и тут же из кустов ко мне выбегают люди. Одетые как турки, в таких же шароварах, безрукавках, рубашках. Только на шапочках у них светится православный крест. Один из них склоняется надо мной. Обветренное лицо, густые черные усы, черные же бездонные глаза. Мне он кажется исполином.

– Ну здравствуй, Петр, – орет он.

– Привет, Барис, – шепчу я.

Я знаю его. Еще не понимаю как, но я его знаю.

Чертовщина! Как меня достали эти загадки!.

Имена людей, которых я никогда не видел... Откуда у меня это? Пришло вместе со знанием языков? Вместе с новым чужим телом? Кто был тот, кем видят меня окружающие?

А ведь совсем не до размышлений. Турки, отступив к дороге и получив подкрепления, обрушивают на кусты один залп за другим. Меня подхватывают, несут бережно, осторожно. Стараются... Сербь очень стараются, но узкая тропа – не коридор больницы, я шиплю от боли и тихо ругаюсь.

Один из носильщиков сует мне в губы горлышко баклажки. Неужели отвар? Понимаю ошибку слишком поздно, захлебываюсь, кашляю и пью. Теплая обжигающая ракия падает на дно желудка огненным дождем, туманит мозг, притупляет ощущения.

Меня перехватывают поудобней, переходят на бег трусцой. Крепкие ребята! Я истощен, но, все-таки, вешу немало. Кто-то подсовывает под тело носилки вместо свернутого одеяла, падавая сожженный бок.

Это последняя капля...

Глава 3

Брат

1

Когда Алекс очнулся, солнце еще только озарило края вершин. Сквозь прикрытые веки получилось даже оценить красоту восхода. Легкий багрянец, режущий первый луч и выпорхнувшее из-за скал светило, деловито устремленное вверх.

Он поморщился. Действие лекарств крепостного медика закончилось. Бок отлежался. Надо было повернуться, а этого так не хотелось.

Потемкин вспоминал... Лица, какие-то обрывки речей, небо в обрамлении ветвей, проносящихся над ним. Все кружилось, переплеталось, путалось друг с другом. Башка болела страшно.

Кстати... Где он? Алекс... или теперь «Петр» перевел взгляд с гор и солнца на собственную грудь и переломанную руку.

Неплохо. Повязки сменили, оставив сложную систему лубков на пальцах, под ноги подложили что-то мягкое. Значит, заботятся... Только чувствует он себя намного хуже. Поганенько так чувствует.

Алекс досчитал до пяти, приподнялся на локте и огляделся.

Лежанка его стояла под открытым небом у порога малюсенького домика. Сплетенные из лозы и обмазанные глиной стены были снизу обложены камнями. Крыша – из той же лозы, но покрытая дранкой или широкой щепой. Дворик зарос травой, кусты над изгородью, кадка с водой, ясли, сарайчик для скота.

Лачуга стояла среди зарослей, закрывающих видимость. Только горы, возвышающиеся над верхушками деревьев, показывали, что он все еще в Черногории.

Девчушка лет десяти, наполнявшая водой кадку, при виде очнувшегося русича радостно заверещала, бросила кувшин и убежала.

Через минуту вокруг Алекса толпились люди.

Две низенькие тетki поочередно совали под нос то плоску с кусками лепешки и каким-то жареным фаршем, то деревянный кубок с разбавленным вином. Длинный, сухой как палка старикан подкладывал под бок мягкую овчину. Только два высоких чернявых молодца, чем-то отдаленно напоминающих суетящегося деда, не лезли к раненому. Почесывая головы, они что-то горячо обсуждали. Несмотря на жаркую полемику, ни один из них не хватался за внушительных размеров пистолеты и кинжалы, торчащие из-за поясов.

Старикан шикнул на них.

Есть не хотелось... Алекс попробовал объяснить это теткам, но горло выдало лишь слабый хрип. В свободную руку тут же всунули кувшин с водой. Это неплохо.

А людей все прибывало. За изгородью появлялись все новые лица, пока к раненому не подошел тот, кто так или иначе занимал его мысли последнее время.

Теперь вожак местных партизан не казался великаном. Даже немного ниже тех гайдуков, кто почтительно уступал ему дорогу. Среднего роста, широкий в плечах, с подтянутым телом немолодого мужчины, привыкшего к долгим пешим переходам. Загорелое до черноты лицо, на котором блестят белки глаз, пышные черные усы, длинные волосы, выбивавшиеся из-под шапочки с золотым православным крестом. Черная расшитая безрукавка, под ней рубашка из черного шелка, прихваченная широким поясом из тисненой кожи с наборными золотыми или позолоченными бляхами. За поясом два длинноносых пистолета в серебряной оправе, кинжал

и сабля с рубином на эфесе. Шаровары, или как еще их тут называют, традиционно синие, но тапочки с завязками, местная обувь, тоже цвета ночи. Щеголь!

Атаман юнаков присел рядом с лежанкой.

– Как ты?

Алекс кивнул и попробовал показать большой палец, но вовремя спохватился. Известно, как здесь могут трактовать такой жест.

– Хорошо.

Говорили они на сербском.

– Как отец?

Вот это уже попал... Как тут отделаться общими фразами?

Парень закашлялся.

– Что с тобой, Петя? – вожак гайдуков гневно глянул на толпившихся вокруг селян. – Я просил обеспечить лучший уход моему брату!

Голос его ревел, как вой рассерженного тура. Старикан по привычке потянул с головы шапку, спохватился и виновато развел руками.

Надо было что-то говорить.

– погоди... Барис, – Алекс ухватил «брата» за рукав. – Тут такое дело...

Он подбирал слова.

– пытали меня...

Краска гнева медленно сходила с лица собеседника, уступая место суровой решимости.

– Знаю, друг, знаю... Ничего не мог сделать. Профукали мои ребята тебя, а вот алчаки¹⁹ эти нашли. Потурченцы боснийские!

Значит, они должны были встретиться! И не смогли... И то информация.

– Понимаешь, э-э-э, Барис, – начал неуверенно Потемкин. – Когда меня пытали, то били сильно... Ну, и... в голове что-то повредили...

Алекс припал губами к кувшину с разбавленным вином, который кто-то заботливо сунул в руку. В голове шумело, но приходилось выкручиваться дальше.

– Память я потерял... Всю почти. Кто я, откуда, как попал сюда – ничего не знаю...

Глаза атамана превратились в узенькие щелочки, заходили желваки. Он явно не то хотел услышать.

– Так ты что? Ничего теперь не помнишь? – Барис обернулся и глянул на своих гайдуков, затем склонился поближе к телу раненого. – Ничего?! Даже то, что...

Он резко выдохнул и отодвинулся. Алекс замер, ожидая продолжения речи, но того не последовало.

Барис долго молчал, думая о чем-то своем. Он изредка нервно покручивал ус, шевелил губами. Окружавшие его люди и не подумали прервать течение мыслей вождя. Молчал и Потемкин.

Наконец, предводитель юнаков положил руку на грудь Алекса.

– Да... Плохо... А я на тебя очень рассчитывал, – он перешел на русский язык. – Тебя, Петя, я здесь... да что я?! Все ждали, как мессию! Живот свой за то, чтобы из зиндана тебя вытянуть не жалели... А тут вот оно как...

Он успокаивающе похлопал парня по здоровой руке и начал подниматься.

Надо было остановить его.

– погоди! Не уходи! Расскажи мне, наконец, кто я такой... Как помочь тебе должен был?

Это тоже было произнесено на русском. Если у атамана проблемы, то всем о них знать необязательно.

Барис дернулся, насупился, вздохнул и приступил к рассказу.

---

¹⁹ Алчак (alzak тур.) – подлец, негодяй, тварь.

2

Оказалось, что они не родные братья – сводные. Отец их, Никола Джанкович, один из кнезов сербских, после очередной балканской смуты сбежал на Русь под крыло Екатерины Второй, привечающей таких беглецов. Сбежал с семьей, но добрался только с малолетним сыном да грудничком-дочерью, Барисом и Сирмой. На Руси он поступил на службу в один из гусарских полков, получил крохотное имение и удачно женился во второй раз. Софья Юрьевна подарила мужу еще одного сына и одну дочь: Петра и Елену.

Несколько лет назад за подавление бунта в литовских землях уже штабс-капитану было пожаловано имение в «новых» государственных землях. В Миорском²⁰ повете, под Друей, ему отписали деревню Милашово. Вместе с пожалованным имением вышедший в отставку офицер получил приглашение для своих сыновей. Их вызывали в столицу, в Коллегию Иностранных дел.

После того, как отношения между Францией и Османской империей дали трещину, Россия всерьез начала опасаться, что влияние Англии на эту важную часть Европы слишком возросло. Павел Первый, известный англофоб, вместе с походом в Индию планировал и освободительный удар в сторону Иерусалима и Константинополя,²¹ надеясь сполна оправдать возложенную на его шею цепь магистра мальтийского ордена. Империи стали нужны люди, способные обеспечить поддержку местного населения на этом пути.

Но дальше был антифранцузский союз и примирение с извечным врагом Турцией.

Многие понимали, что это не остановит российского императора. По стране ходили слухи, что Павел считает новый союз временным, всего лишь небольшой заминкой на пути к выполнению своих грандиозных замыслов. Но насколько большой будет заминка, не мог сказать никто.

Братья восприняли сближение своего нового отечества с Портой по-разному. Старший вышел в отставку и уехал на историческую родину. Новый белградский паша Хаджи-Мустафа не только был веротерпим настолько, что даже разрешил основание православного храма, но и в своей войне с Пазван-оглу, виддинским пашой, поддерживающим янычар, нередко прибегал к помощи извечных врагов турок, гайдуков, и сформированного им христианского корпуса. Это, по мнению многих, говорило о том, что позиции осман в Сербии слабы как никогда. Барис решил, что для возвращения нынче самое подходящее время.

Младший же остался на службе, добился чина коллежского регистратора и выполнял разного рода поручения щекотливого характера.

В последний раз Петр письмом вызвал своего брата к побережью, приказал обеспечить охрану и заявил, что в этот раз в их руках находится будущее родины. Чета²² Джанковича к месту высадки русского шпиона опоздала, зато успели разъезды османов. Все, кто приехал с Петром были убиты, сам эmissар схвачен. Если бы янычарам удалось доказать действия русского шпиона на своих территориях, то это был бы скандал, грозивший всему антифранцузскому союзу. Но турки почему-то не спешили с обнародованием этих сведений. Чего-то ждали.

– А, может, они не поняли, откуда ты? – спросил атаман гайдуков. – Решили, что обычный контрабандист?

Алекс подумал. Голова кружилась, но и его сил хватило, чтобы решительно отбросить такую версию:

²⁰ Нынешняя Беларусь.

²¹ Турецкое название Стамбул Россия не признавала вплоть до 1917 года.

²² Отряд (серб.).

– Да нет... С самого начала знали. Палач меня все время русским называл. Да и в камере это секретом не было.

Барис нахмурился.

– Тогда и не знаю, отчего тебя так долго держали. Им всего-то и надо было бумаги твои обнаружить.

Потемкин усмехнулся и тут же скривился от боли. Рот был раскурочен и стрелял уколами при каждом более-менее заметном движении.

– Так не нашли они ничего...

– Как?

– Спрятал я все. Успел... Вот только где, не помню.

Старший из братьев Джанковичей шумно выдохнул.

– Вот оно что! То-то Тургер ярился. Его вместе с остальными янычарами султан из столицы выслал. А с таким доказательством их партия вмиг бы из дивана²³ всех приверженцев нового строя повытряхивала бы. А он бы был главным спасителем... Заговор против Порты раскрыл – за такое можно взлететь, ой, как высоко!

– Ты о чем?

Гайдук всмотрелся в недоумевающее лицо брата.

– Так ты же вез письмо императора российского скупщине²⁴ сербской о том, что в случае чего, Россия готова поддержать ее во всех начинаниях!

– Как?

– А так! Суворов недоволен действиями австрияков. Константин, принц российский, все уши папе прожужжал о том, как союзники русских солдат под разные напасти подставляют. Ушаков не может уже смотреть, как турки режут православных в Греции и на Балканах. Англичан Павел и сам давно ненавидит, за отца порвать готов. Союз этот ему давно не по нутру.

Потемкин удивленно спросил:

– Что-то ты много знаешь, сидя в горах?

Предводитель разбойников усмехнулся:

– Ты ж сам и рассказал.

– Когда это?

– Когда последний раз был. Месяца два назад. И предупредил, что в скором времени на родине многое поменяться может.

Разговор отнял последние силы. В глазах Алекса потемнело, к горлу подступила тошнота. Барис заметил, как спал с лица собеседник, и участливо предложил:

– Вижу, уморил я тебя своими политическими реалиями. Пора и честь знать...

Больной кивнул. Атаман гайдуков поднялся.

– Завтра я в поход иду. Недолгий, на недельку. Ты пока сил наберешься, здоровье подлечишь... А там и поговорим еще.

Тут же Алекса подхватили участливые тетки с плоскими в руках. В рот начали вливать травяной отвар, под бок подкладывать мягкую овчину.

Когда он смог отбиться от толпы новоявленных сиделок, брата и след простыл.

---

²³ Орган высшей исполнительной власти в османской империи.

²⁴ Высший орган самоуправления в Сербии.

3

Вечером к нему привели всколоченную старуху, под присмотром которой обе тетki, приставленные к раненому, занялись сменой повязок. Когда снимали холсты с обожженного бока, русич потерял сознание, но, возможно, это и к лучшему. Не пришлось больше смотреть на то, как измывается над медициной местная знахарка, чей замызганный вид не вязался с представлениями о гигиене и прогрессивной медицине.

В забытье Алекс пробыл недолго. Когда очнулся, старуха только закончила срезать задубевшие повязки.

Увидев, что больной пришел в себя, бабушка осклабилась, обнажив еще вполне здоровые зубы, и представилась:

– Бона.

Потемкин кивнул. В горле пересохло так, что казалось, что выжать звук не удастся.

Бабка протянула ему кусочек какого-то месива и знаками показала, чтобы он пожевал это.

Алекс не упрямился. Вяжущая рот масса оказалась выжимкой какой-то травы. В голове тут же стало светло, все болевые ощущения исчезли, но появилось и отчуждение от действительности. Видимо, какой-то легкий наркотик.

Старуха, увидев, как цвет лица пациента приобретает здоровый оттенок, радостно закивала и подозвала из угла молоденькую девушку.

– Запоминай, пока можно, Френи. Я умру, некому учить будет.

Девушка нагнулась к больному, всматриваясь в то, что делали пальцы седой наставницы. А та, убрав с обожженной кожи последние повязки, начала «лечение». Постукивая подушечками пальцев по основанию волдырей, делая мимолетные неразличимые надрезы краем ногтя, бабка забубнила какой-то напев.

Как ни старался Алекс вникнуть в смысл, ни одного слова он не уловил. Знахарка издавала знакомые звуки, но сложить их в слова, а слова объединить в предложения он не мог.

Боль ушла совершенно. Все вокруг было ярким, нестерпимо ярким. Цвета резали глаза настолько, что он вынужден был закрыть глаза на минуту. Шепот старухи заполнял голову, выдавливая из закутков все возможные мысли. Он растворялся, уходил и падал в никуда, все так же сидя на высоких подушках и глядя прямо на присевшую на край лежанки молодую помощницу ведьмы.

Слова бабки уже не струились легким ручейком, они бурлили, клацали камнями на стремнине, грохотали на перекатах. Тон речитатива возрос, сама старуха напряглась, вошла в транс. Глаза знахарки закатились, белки жутко блестели в свете лучины.

Алекс схватился за первое, что попало – за руку девушки.

Он заметил, как напряглась помощница ведьмы. Ей было от силы семнадцать-восемнадцать лет. Черные локоны, выбивавшиеся из-под кокетливого платка с серебряными монетками на висках, только оттеняли белизну молодой кожи симпатичной мордашки. Большие карие глаза ярко блеснули, когда раненый сжал хрупкую ладонь. Но девушка не выдернула руку. Только задышала чаще.

Слова, слетавшие с языка старой знахарки, уже не помещались в маленькой лачуге. Им было тесно, одного за другим они выдавливали наружу тех, кто еще оставался при больном. Выскочили тетki, подхватывая края длинных юбок и трясая телесами, будто нехотя, упираясь, вышел старикан, так и не убравший руку с кинжала за поясом.

Оставались только колдунья, ее помощница и раненый.

Пожатие девушки немного помогло. Способности мыслить и разумно воспринимать окружающее, почти покинувшие слабеющий разум, вернулись. Алекс скосил взгляд на собственный бок. И обомлел.

Чудовищные волдыри, налившиеся кровью и водой, кровавые лоскуты кожи – все опало, растягивалось, исчезало. Кожа постепенно из кирпично-красной превращалась в нежно-розовую, здоровую и новую. Складки, ужасающие шрамы растягивались, обрезки пузырей иссыхали, опадали и, отвалившись, убирались ловкими пальцами колдуньи, разрезы сходились.

Бабка откинулась к стене и громко выдохнула.

– Устала...

Девушка тут же отпустила руку Потемкина. С тоненькими пальчиками, державшими его ладонь, исчезло и то, что давало ему возможность удержаться на краю сознания. Алекс тут же провалился во тьму.

Последнее, что он заметил, было довольное лицо старой знахарки.

4

Утром он очнулся почти здоровым.

Впервые его не терзало собственное тело. Бок покалывало, но той зубодробительной, выкручивающей дугой боли уже не было. Чтобы понять, как хорошо быть здоровым, надо хоть изредка серьезно пожить на краю и заглянуть за ту сторону. Потемкин был счастлив.

Рука его, замотанная в тряпки и пережатая лубками, и та не беспокоила.

Парень рывком сел на лежанке, попробовал встать на ноги.

Дедок с кинжалом едва успел подхватить его. В последний момент голова пошла кругом. Алекс минуту отдышался и повторил попытку. На этот раз ноги не подвели. Он стоял. Качался, опирался на руку своей пожилой «няньки», стены и крыша плыли, руки дрожали, но он стоял.

Алекс усмехнулся.

Рядом зальбился дед.

– Горазд ты спать, русский.

Алекс не понял.

– Чего?

– Говорю, ты три дня почти продрых.

Слова сербского языка все также были понятны. Алекс так обрадовался тому, что все еще понимает окружающих, что почти пропустил смысл фразы.

– Как это?

Дедок усмехнулся.

– Старая Бона предупредила, что ты проваляешься долго. Но то, что будешь без памяти почти три дня – такого уговора не было... Жалко... – неожиданно прибавил он.

Алекс все еще просто наслаждался своим новым ощущением.

– Жалко... – снова выдавил дедок.

– Чего жалко?

– Да жаль, что прогнали мы этих цыганок... Они, конечно, еретики, те же турки их больше наших гоняют... Но полезная была знахарка. Многих с того света вытянула.

– Так за что прогнали-то?

Дед удивленно посмотрел на недоумевающего Алекса.

– Арамбаши²⁵ сказал, чтобы за братом его присматривали, старой карге лично корзиной явств и тюком одежды доброй поклонился, дабы брата его выходила... А ты в беспамятстве лежишь... Скоро он вернется. С кого спрашивать будет?

Дедок вздохнул.

– Карабарис на руку быстр зело и в гнев страшен... Не станет разбираться... Вот и прогнали старуху с девкой ее... А жаль. Многих юнаков она выходила, могла бы и далее полезность приносить...

Потемкин сел на лавку.

– Верните... Если еще сможете.

Присел и старичок.

– Не-а. Уже нельзя. Турки все горы у дорог перетряхнули, искали тех, кто на янычар напал. По мне так зря, конечно... Сокола в небе сетью не словишь. Зато другой шушеры нахватили... И этих тоже.

– Кого?

– Цыганок прибудных... Да то неважно уже... – он обхватил парня за плечи. – Хорошо, что ты ожил. Будет, чем перед арамбаши похвалиться.

---

²⁵ Арамбаши – предводитель гайдуков, атаман.

Слабость все-таки сказалась. Под горло подступила тошнота, закружилась голова.

Алекс помнил, как он требовал от дедка, чтобы на поиски лечивших его колдуний отправили всех, кто был. А дедок только удрученно покачивал головою. И последним, что промелькнуло перед глазами, был образ младшей знахарки. Ее губы шептали что-то, звали, требовали, но разобрать юноша ничего не смог.

5

Через неделю вернулся из похода отряд Джанковича.

К тому времени, Алекс уже понемногу ходил. Во двор, до плетня, иногда на дорожку, выходящую между скромными лачугами мазанками, редко – до соседнего домика, где жила одна из присматривающих за ним теток.

Заговоры изгнанной колдуньи сотворили чудо, но он все еще был очень слаб. Да и левая рука внушала серьезные опасения. Толстый Али выдрал с мясом ногти с четырех пальцев и переломал почти все суставы. Кровоточащую культю назвать кистью мог только большой оптимист. Мусульманский лекарь наложил лубки, но присматривать за тем, чтобы все срасталось правильно, здесь было некому. Алекс всерьез опасался, что в новой жизни ему придется обходиться только правой рукой.

Старый Мирко, дедок, приставленный к нему, утверждал, что и с большими ранами добрый юнак сможет бить злого турка. Но Алекс пока не рвался в бой. Истеричный запал, с которым он выдирает ружье из пальцев мертвого янычара, ушел, уступив место законной любознательности. Он изучал окружающий мир, время, в которое его забросила причудливая нить судьбы, людей, одежду, обычаи. Все, что его окружало.

Если что-то было непонятно, он спрашивал, если не понимал, спрашивал еще раз. Местные уже не пугались необычности интересов странного больного и часто с большим энтузиазмом объясняли тому, что и как тут устроено.

Так он понемногу освоился в неприхотливом местном меню, где все разнообразие сводилось к блюдам из фарша и разного рода супам, выучил название предметов своей одежды, такой необычной и удобной, хоть и несурзадной на первый взгляд. Усвоил понятия местного этикета и сложную систему родоплеменных отношений в селе.

Чета Джанковича появилась в селении вечером.

Два десятка запыленных, изодранных мужчин несли несколько тюков с одеждой, небольшой сундучок и четверо носилок с ранеными. Местные гайдуки звали своего атамана Карабарисом,²⁶ подчеркивая его любовь к этому цвету. Но сегодня вечером он и в самом деле казался черным. Такого хмурого выражения лица Потемкин у своего новоиспеченного родственника еще не видел. От насупленного предводителя старались держаться подальше, но Алексей рассчитывал, что на брата это не распространяется.

– Что случилось?

Барис тяжело зыркнул, вполголоса ругнулся под нос и присел на скамеечку, на которой отдыхал Потемкин.

– За две сотни пиастров положил троих человек! И еще четверо ранены! – кулаки арамбаши сжимались все больше при каждом слове, пока окончательно не побелели. – Чертов турок!

– Так плохо? – Алексей не знал, как реагировать.

Посеревший от злости предводитель местных разбойников повернулся к брату.

– А ты как думаешь? – он придвинулся поближе. – Сначала, вроде, все хорошо шло. Взяли дом одного турка в Боснии, неплохо заработавшего на торговле лошадьми. Он с домочадцами к соседу поехал, а мы пока закрома его трянули. Уже домой почти дошли, как один из слуг при чайхане в Рисане передал, что купец Айхан, гнилой потрох, собирается выехать к ростовщику Елмазу Февзи. Из Рисана в Крстач. Там дороги-то – на два часа пути. Охрану брать, вроде, не собирался... Чертов турок! И я купился!

Он просипел сквозь зубы пару ругательств, смысл которых ускользнул от Алексея.

---

²⁶ Кара-Барис – черный Барис.

– Ты понимаешь, Петр, я же по-хорошему хотел! Выпустил Небойшу с Огнем, чтобы купца успокоить. Мог бы сразу залпом из кустов лошадей положить и трупы потрошить, но, ведь, по-хорошему хотел! А в повозке его – десяток слуг, да за полотном доски дубовые. Я думал, что это добро турок перевозит, а там засада была! Положили моих ребят, меня ославили, позором покрыли!

Он стукнул кулаком по столешнице стола.

– А тут еще и Бона, ведьма старая, со своей внучкой сбежала! Кто ж мне теперь ребят подымать, с того света за уши тянуть будет?!

Он схватился за голову:

– Ой, ма! Горит душа моя черным пламенем, а остудить раны нечем!

Откуда-то сбоку чертиком из табакерки выскочил старый Мирко.

– Дозволь, арамбаши, предложить тебе лозовача.²⁷

Потемкин уже пробовал местный самогон. Он постарался отодвинуться, но твердая рука брата удержала.

– Куда?! – и уже Мирко. – Ну не Вранец²⁸ же?

Дедок быстро разлил по глиняным чашкам теплую водку.

Барис схватился за свою кружку, одним махом опрокинул в глотку содержимое, выдохнул и сквозь зубы процедил:

– Как же мне плохо здесь, Петя...

---

²⁷ Самогон, производимых из местных сортов винограда.

²⁸ Сорт местного красного вина. Переводится как «конь вороной».

6

Подтянувшиеся к дому командира гайдуки пили молча. До полуночи во дворе жгли костер, жарили на углях мясо прихваченного из отары боснийских потурченцев ягненка, пили лозовач и тихо говорили. Все были злые и уставшие. Обсуждали дороги, погибших друзей, прикидывали способы мести и личности кровников. То, что засаду не оставят без последствий, никто не ставил даже под сомнение.

Когда над горами уже появился первый лучик, вестник рассвета, младший из Джанковичей уполз «домой». Сил пить дальше у него уже не было.

Проснулся он к полудню. Чета брата ушла в горы час назад. Куда они подались, что собирались предпринять, никто не знал.

Целый день по всему селению стоял вой. Родственники хоронили погибших.

Деревня оказалась довольно большая. Три десятка дворов, в каждом по пять-десять человек. Только в мазанке арамбаши, кроме Алексея, жил всего лишь старый Мирко, а так налицо была явная перенаселенность. Как выяснилось, сюда переехало немало беженцев с побережья. После высадки турков часть христианского населения предпочла уйти в горы к родственникам, чем заново постигать все прелести режима беснующихся янычар.

Село называлось Грабичи. Чуть южнее находились знаменитые Негуши, родовое гнездо властителей Черногории. До моря с его портами Котором и Перастом отсюда был дневной переход по узким горным тропкам или два дня езды по серпантину, оставшемуся местному населению со времен римского владычества.

Пару суток Алексей просибаритничал, восстанавливая силы и отдыхая. Мирко вырезал ему клюку, с помощью которой гость атамана смог с трудом, но уже самостоятельно передвигаться, и Потемкин спешил воспользоваться предоставленной возможностью. В беседах со стариком и редкими оставшимися в селении мужчинами он старался вникнуть и разобраться в положении вещей в стране, в которой ему придется жить.

Официальный мир, заключенный между Османской империей и Черногорией, не мешал последней давать приют нескольким дюжинам отрядов благородных православных разбойников. Ведь «экспроприация экспроприаторов» считался для местной знати наследственным бизнесом в течении многих веков. Для некоторых селений это был чуть ли не единственный способ зарабатывания денег, существования в условиях каменистой, бедной на урожай земли. Плодовитые на мальчиков, большие черногорские семьи обеспечивали таким образом себе достаток. Это же являлось главной причиной частых карательных экспедиций, которые турки всегда старались повернуть молниеносно, без ввязывания в длительные кампании, способные перемолоть на узких перевалах самые подготовленные армии. Налет – море крови, гора трупов, пепелище... Кровавая вражда между мусульманами и православной горной страной длилась не одно столетие и не собиралась заканчиваться в ближайшее время.

Владыка, то есть глава православной церкви Черногории Петр Первый Негуш был и духовным, и светским лидером маленькой страны. Гордый, иногда спесивый нрав местных мужчин, где каждый выросший выше колесной чеки становился воином и защитником, всегда дарил благодатную почву для всякого рода междоусобиц и заговоров. Одни рода воевали с другими, часто это выливалось в целые сражения, где сербы резали сербов так же, как до этого расправлялись с османами. Естественно, такой порядок вещей горячо поддерживался турками, желавшими направить неумемную жажду действий вечно голодных горцев на уничтожение себе подобных и удержать их от выхода на равнины. Агенты и шпионы успешно справлялись там, где не смогли добиться успеха солдаты. И только авторитет владыки часто удерживал страну на грани полномасштабной гражданской войны.

Постоянное шлифование воинских навыков породило необычную армию, которую можно было бы сравнить с запорожскими казаками. Такие же отличные стрелки, неплохо владеющие холодным оружием, выносливые, быстрые, неприхотливые. Черногорцы были бы идеальными солдатами, если бы не те черты, которые и выделили их среди других балканских народов. Слишком независимые для того, чтобы подчиняться кому-либо, кроме племенных или родовых вождей, владыки и избранного арамбаша, необученные ведению войны по правилам, нежелающие принимать понятие «запланированные» жертвы, особенно, когда они предполагаются из числа твоих родственников и друзей. Эти бойцы были почти непобедимы в своих землях, удачно жалили врага в набегах, но оказались непригодны для штурмов и войны на открытой местности.

Бедная земля не могла давать сколько-нибудь заметных доходов, так что содержать большую регулярную армию черногорцы не могли. Но это не значит, что у крошечного государства не было профессиональных воинских частей. Перяники, личная армия владыки, прославились четыре года назад, когда несколько сотен гвардейцев, гайдуки и горское ополчение в Крузском ущелье за три дня перебили тридцать тысяч осман. Шесть тысяч сербов против в пять раз более многочисленного противника! Черногорцам тогда досталось пятнадцать знамен, три тысячи пленных солдат, двадцать пять высших офицеров и сам турецкий военачальник, скадарский визирь Махмуд-паша Бушатлия. Тогда Негуш не стал церемониться с захватчиками. Все турки были обезглавлены, головы выставлены в столице Цетине на стенах города и дворца.

С тех пор османы в горы не лезли, ограничиваясь редкими точечными карательными экспедициями.

А триумфатор Петр Первый развернул обширные реформы.

Чтобы организовать и упорядочить хаотичное существование своего шебутного народа, он создал то, что потомки назвали бы «вертикалью власти». Во главе каждой нахией²⁹ был поставлен сердар, воевода или байрактар. Видные люди из числа отличившихся в последнюю войну, они объединяли в своих руках военную и гражданскую власть. Подчиняясь только владыке и скупщине, совету племен, эти «представители на местах» ослабили влияние потомственной аристократии, кнезов, часто в угоду своим интересам толкавших страну на разные авантюры.

Был утвержден суд, приняты законы-уложения о земле и частной собственности. Наконец, князь-епископ активно продвигал на селе входивший в широкое распространение в Европе корнеплод – картофель.

Все это было ново для людей. И как с любыми нововведениями, у правителя нашлись и сторонники и противники. До открытого выступления дела не доходили, но многие роптали.

Алексей выслушал эту политинформацию из уст старого Мирко. Списанный по выслуге лет гайдук всегда с интересом относился к разного рода новостям и сплетням. Дед считал ниже своего достоинства обсуждать услышанное с остававшимися в селении бабками и очень обрадовался интересу залетного гостя.

Старик и дольше бы потчевал его рассказами о местных авторитетах и байками о делах давно минувших, но в поле зрения неожиданно появились новые персонажи.

С нижнего конца села к ним шел высокий даже по меркам горцев, немолодой, сухоощавый мужчина. Пышные усы не вязались с изрытым оспинами лицом аскета. Одетый в темную горскую куртку, темно-синие шаровары и легкие полусапожки, он бы не выделялся среди оставшихся на излечении в деревне гайдуков, если бы не пара отличительных черт: шелковая красная перевязь на кожаном поясе и ярко начищенная серебряная бляха на шляпе. По пятам за

²⁹ Нахия – территориальное деление, что-то вроде округа или уезда.

необычным гостем следовала четверка небритых горцев с ружьями за плечами и короткими саблями у пояса.

– Ой-ё! – дедок поперхнулся дымом из раскуренной трубки.

Дело шло к вечеру, и они с Алексом вылезли на августовское солнышко погреться перед прохладной ночью в горах.

– Что такое? – шепотом поинтересовался у пожилого сиделки Потемкин.

Старичок явно был не в себе от увиденного.

– Плохо дело...

– Почему?

Дедок выбивал только закуренную трубку. Видно было, что руки его дрожат.

– Это знаешь, кто к нам пожаловал? Это ж кабадах... Глаза и уши владыки, его карающая длань...

Спецслужба! Да уж, даже в таком крошечном государстве без них никуда. Алекс горько усмехнулся.

– Ко мне, что ль?

Дедок прищурился.

– Сиди тихо. Может, пронесет.

Не пронесло. Человек направился прямо к ним. Четверо охранников держались рядом, воинственно щурясь на каждого жителя селения, выползавшего поглазеть на залетных гостей.

– Кто вы? – кабадах не счел нужным представляться или что-то объяснять.

Потемкин с трудом поднялся на ноги. Разговор с представителем власти сидя мог быть расценен как вызов или неуважение.

– Петр Джанкович.

Кабадах удивился:

– Ты родственник арамбаши? Сын?

– Нет. Брат.

Следующее требование только казалось нелогичным.

– Перекрестись!

Алексей медленно, с достоинством перекрестился.

Видимо, что-то не понравилось пришельцу. Глаза его недобро сощурились, фигура напряглась.

– Нынче у нас неспокойно. Много шпионов, лазутчиков, татей разных. На тебя несколько человек указало, что ты в зиндане сидел в Херцег-Нови? – и прибавил, растягивая слова. – И живым вышел...

От прилившей к лицу крови Потемкина зашпало. Чтобы удержаться, он оперся на плечо старика, все также деловито забивающего трубку свежим самосадом.

– У меня это сидение по всему телу расписано... – сквозь зубы выдохнул юноша. – Показать?

Представитель тайной полиции отрицательно покачал головой.

– Не надо... Здесь это ни к чему... – он положил руку на шелковую повязку на поясе. – Собирайся. Поедешь с нами на дознание в Цетин.

Рядом поднялся с лавки Мирко. В руки старика как чертик из табакерки прыгнули два долгоносых пистолета. Видимо, он прятал их под плащом.

В селе оставались на излечении пятеро или шестеро гайдуков. Трое из них, хромая, уже спешили к дому арамбаши. В соседней мазанке открылась дверь. В проеме, опираясь на костыль, привалился к косяку сосед Ненад. Длинная старинная аркебуза в его руках дымила фитилем. Из-за плетня показались вихрастые головы его сыновей. Судя по звукам, они взводили бойки кремневых ружей.

Четверка охранников тут же скинула расслабленный вид. Кто метнулся к плетню, кто присел, выцеливая подходявших защитников. Один прикрыл спину командира.

Только сам кабадах делал вид, что ничего не происходит.

– Именем владыки... – громко добавил он.

Тут же опустили стволы в руках Мирко и Ненада. Подошедшие гайдуки, чертыхаясь сквозь зубы, тоже попрятали оружие. Оказывается, в этих местах утихомирить народ можно было только словом... Если знать нужное.

Потемкин процедил сквозь зубы.

– Я не дойду...

Он стукнул клюкой о землю.

Кабадах склонил голову:

– Это поправимо... В селении есть мул?

Мул был...

7

Поездку Алексей перенес на удивление хорошо.

На то, чтобы добраться до Цетина, им понадобилось всего одни сутки. Выехали из Грабичей утром, еще затемно, днем сделали привал в Негушах, вечером уже вошли в столицу. Кабадах и его охранники в этом пешем переходе, казалось, даже не сбили дыхание. Потемкин всю дорогу мерно покачивался в седле мула, глазел на окрестности и старался выработать тактику поведения при допросах. То, что его везут именно на дознание, кабадах не скрывал.

Цетин не поражал воображение. Все те же сложенные из камней и обмазанные глиной дома, низкие крыши, плетни из лозы, такие же забитые сточные канавы, что и в селах, которые они проезжали по дороге. Разве что в середине городка стояла не маленькая часовенка, а вполне приличная церковь. Напротив высилась твердыня цетинского монастыря. Несколько двухэтажных лабазов немногочисленных купцов, да усадьба владыки с толстыми воротами и высокими стенами – вот и все достопримечательности. Да еще в отличие от сел вокруг города шел земляной вал с невысокой крепостной стеной и несколькими башенками.

– Меня отведут к владыке? – задал вертевшийся на языке вопрос Алексей.

Представитель власти удивленно посмотрел на конвоируемого.

– Почему ж не сразу к Господу Богу? – в его тоне послышался сарказм.

Потемкин замолчал.

Он миновали монастырь, церковь и свернули к неприметному зданию, приткнувшемуся у северной стены усадьбы князя.

Алексу очень не понравилось, что его сразу повели в подвал. Охранники остались снаружи. Внутри двинулись только они вдвоем с представителем тайной полиции.

Их ждали.

Невысокий полноватый серб в нетипичном для этого места чиновничьем европейском сюртуке вел неспешную беседу с пожилым монахом аскетичного вида.

– Привел?

Кабадах поклонился.

Потемкин без приглашения плюхнулся на свободный табурет. Сил не оставалось.

Монах присел за стол. Чиновник жестом отпустил запыленного конвоира и тоже уселся.

– Ну?

Алекс удивленно уставился на следователя.

Тот замолчал. Пауза затянулась.

Глаза следователя начали медленно складываться в узенькие щелочки.

– Молчим?

Потемкин не выдержал:

– Вы, может быть, представитесь? И спросите по-человечески, без мхатовских пауз и загадочных поз?

Серб слегка смутился такой отповедью, но предложение принял:

– Я – Младен. Младен Жеврич.

Видимо, это имя было известно в народе. По крайней мере, назвавшийся серб рассчитывал, что произведет впечатление.

– Петр Николаевич Джанкович.

Жеврич подвинул свой табурет поближе к Алексу.

– Джанкович... Брат Карабариса... Что же ты, Петр, делал на побережье?

Ответ был очевиден:

– К брату ехал.

Серб ухмыльнулся. Монах неторопливо конспектировал услышанное, поскрипывая обрезком пера.

– Тургер твоего брата не любит. Это – да... Но не настолько, чтобы устраивать охоту по всей бухте.

Жеврич склонился к лицу парня. Пронзительные карие глаза впились с лицо.

– Что ты сделал такого, что турки за тебя полтысячи пиастров обещают? Тургер просит Салы-ага о тысяче солдат для того, чтобы взять тебя. И, скорее всего, он их получит. Вот, что интересно. Так объясни же...

Его прервали. Дверь распахнулась от удара ноги. В комнату ввалился низенький лысоватый крепыш, одетый в типичную для небогатого крестьянина одежду. Картину дополнял линиялый пыльный плащ, knут за поясом и потертый посох в правой руке.

– Заканчивай ломать комедию, Младен. Это – он!

Крепыш жестом приказал монаху покинуть помещение. Священнослужитель послушно сложил перо и вышел. Незнакомец тут же подлетел к слегка ошарашенному Потемкину и рывкнул ему в лицо:

– Как это понимать, сударь?

– Простите?

В глазах вошедшего мелькнуло раздражение, но он сдержался.

– Спрашиваю, как понимать мне ваше поведение, сударь? Исчезли на месяц, документы, багаж, люди – все дьявол знает где! Вас уже списать собрались. Федор Васильевич письмо к матери составлять начал, а вы живой и целый у брата гостите? Если к туркам попали, то какого дьявола никого не послали к Младену, когда освободились? Или забыли своего связного?

Он нервно поигрывал вышитой кисточкой на knуте. Затем внезапно бросил все, порывисто обнял, приподняв с табурета. Алекс застонал от боли в руке и боку. Крепыш ойкнул, опустил на место, лицо незнакомца перекосила гримаса сочувствия.

– Младен рассказал мне, что вас пытали. Турки в этом сущие варвары. Никаких законов и договоренностей не признают. Сам два раза от них чудом уходил.

Он пододвинул себе табурет и плюхнулся рядом.

– Что ж ты молчишь, Петр Николаевич?

Младен по знаку незнакомца уже доставал из шкафа пузатый кувшин и плетеную корзинку с сыром и хлебом.

Потемкин решился на вопрос:

– Вы кто?

Незнакомец удивленно нахмурился:

– Что? Как это понимать?

– Я... Меня пытали... Били... Я память потерял. Не все, но очень многое не помню.

Крепыш выслушал это с непроницаемой миной. Очевидно, что перед Алексом сидел не тот человек, который способен впечатлиться описанием чужих страданий. Пока Потемкин выкладывал перед слушателями выработанный вариант собственных злоключений, собеседник хладнокровно чистил лук и перебирал куски лепешки. В конце рассказа он выглядел лишь слегка озадаченным.

– Так даже? Дьявол! От этих чертей всего можно ожидать, но пытаться союзника?! Азиаты! Тон сказанного не понравился Алексу. Показалось, что ему не поверили.

– И все же, кто вы?

Крепыш церемонно представился:

– Я – Конрад Белли... мы с вами коллеги, в некотором роде... Где вы и кто вы, объяснять не надо, надеюсь?

– Нет. Тут брат все прояснил.

Белли вернулся к сервировке нехитрого стола. Младен под впечатлением рассказа слишком увлекся слушанием и предоставил ему право распоряжаться в своем кабинете.

Конрад усмехнулся:

– Уф... Снял с души камень. Младен, выйди на минутку, будь другом.

Когда дверь за сербом закрылась, он стремительно подошел к юноше и негромко спросил:

– А то, что ты сделать должен, помнишь?

Алекс сделал самую наивную рожицу, которую смог:

– Вот этого, хоть убей. Видимо, так старался не проговориться, что сам выжег из памяти.

Белли отстранился. Тонкие губы его растянулись в легкой улыбке, глаза прищурились. Алекс мог бы поклясться, что уже видел эту ухмылочку. Точно! Так же на своих собеседников в фильмах поглядывал Брюс Уиллис. Идиотское наваждение! Потемкин встряхнул головой, отгоняя неуместные ассоциации.

Конрад медленно прошелся по комнате, остановился, опять походил и выдал вердикт на услышанное:

– Возможно. Всяко на земле бывает...

Юноша тут же ухватился за протянутую ниточку:

– А вы, Конрад, меня не просветите?

Шпион снова улыбнулся. На этот раз не так делано, но все равно холодно.

– Увы, мон шер. Тут я бессилен. Задания у нас разные, еще в Питере полученные. Тебе неизвестно мое, мне – твое. Так безопасней для нас обоих и для дела в целом.

– Да уж...

Алексей нервно забарабанил по столу пальцами. В голове крутились слова совершенно неуместной здесь песенки.

– Да уж... солнышко, солнышко жгучее, колючки, колючки – колючие.

Конрад удивленно наклонил голову, силясь понять, что собеседник имеет в виду, и Алексу пришлось, улыбаясь, объяснять, что это всего лишь засевшая в голове приставучая присказка из старой песенки.

Белли подобрал со стола кусочек сыра, срезал с верха корочку и впился в еду зубами.

– Простите... Я уж подумал... Я ведь сюда добирался с побережья два дня. Устал, как собака... По вашему делу, могу лишь сказать, что вам... тебе надо было добратсья до Валево. Везли вы... ты что-то важное... и очень ценное... Но, что именно, не знаю.

Он повернулся к двери.

– Младен!

Алекс схватил собеседника за руку. Говорить он предпочитал без лишней ушей.

– Брат говорит, что у меня должно было быть письмо скупщине. О некоторых гарантиях. В комнату вошел серб.

На лице Белли не дрогнула ни одна жилочка. Он широко улыбнулся хозяину помещения:

– Младен, дружище! Понимаю, что веду себя бестактно, но что еще остается старому другу? – он подскочил к сербу. – Наш Петя запылится. А чувствует он себя прескверно. С дороги, да и изранен весь... Если это не покажется тебе венцом наглости, организуй, будь другом, ему какой-нибудь тазик для того, чтобы пыль смыть?

Жеврич улыбнулся в ответ, бросил взгляд на смущенного Потемкина, кивнул ему и вышел.

Белли обернулся к товарищу по цеху и медленно, сквозь зубы, выдавил, чеканя слова:

– Никогда... Никогда в слух такое не говорите, когда не уверены в том, что вас могут подслушать! Никогда!

Алекс потупил взгляд.

Конрад схватил со стола кубок с вином, приложился, тут же сплюнул и выругался.

– Кислятина! Как они такое пьют!

Он присел рядом с Алексом и без перехода продолжил:

– А письмо такое вы нести не могли.

– Почему?

Лицо шпиона застыло. Только легкий прищур мог служить показателем хотя бы каких эмоций.

– Потому что такое письмо доставил я.

8

Все-таки это неправильно – пить, когда ты болеешь. И когда тело покрыто ранами, требующими ухода, пить тоже неправильно. Этот простой постулат стал особенно близок Алексу следующим утром.

Вчера Жеврич притянул здоровенную бутылку то ли лозовача, то ли ракии. Пятидесятиградусная огненная самогонка, но зато в плетеной корзинке и из подвала. Они вдарили по полной. Алекс и принял-то немного, но на пустой желудок хватило и малости.

Потемкин приподнялся на локте. Постелили ему в гостевой комнатухе здания тайной канцелярии, урвав немного места у расквартированного тут же Белли.

Черногория, субсидируемая из России, не зря считалась одной из самых верных союзников империи. Жеврич, нынешний глава княжеской разведки и контрразведки, даже находился на жаловании у Коллегии Иностранных дел, обеспечивая работодателей оперативной информацией с побережья и помогая русским агентам при работе в таком опасном регионе.

Болела рука. Видимо, вчера он повредил какой-то из наложенных фиксаторов-лубков, которые превратили его левую ладонь в громоздкую культю.

Алекс начал осматриваться и ойкнул. Напротив его на заправленной кровати сидел полностью одетый в свою крестьянскую одежду Белли. Рядом лежал собранный дорожный мешок.

– Проснулись? Наконец-то.

Конрад протянул ему кубок с разбавленным вином.

Потемкин отхлебнул, сразу стало легче. Белли сразу приступил к делу:

– Я ухожу. Сами понимаете, время сейчас дорого.

Лицо агента российской разведки было сосредоточено.

– Вас не зову. Вижу, что еще долгое время интересы нашей Альма-матер будут для вас явно непосильной ношей.

Он поднялся и оправил куртку.

– Что ж... Считайте себя на временной вакации. Отдыхайте, набирайтесь сил.

Конрад выудил из-за пояса мешочек из телячьей кожи, вынул оттуда деревянную коробочку, раскрыл и протянул Потемкину колоду игральных карт.

– Выбирайте!

Алекс неуверенно потянул одну из карт. С картинки на него нахально пялился тучный увалень с окладистой бородой.

– Однако-с! Король!

Белли разорвал карту пополам и одну из частей протянул собеседнику.

– Это будет условным сигналом... Вижу, вы забыли все, что вам передали в Питере, так что будем обзаводиться новыми паролями, – он подхватил с пола мешок. – Отдыхайте у своего брата. Если что понадобится, не стесняйтесь, дергайте Жеврича.

Конрад положил свой кусочек карты в мешочек на пояс.

– Если же... Вернее, когда к вам подойдет кто-либо со второй половинкой картинки, то тут уж постарайтесь вспомнить, что вы все еще дворянин и русский офицер. И наоборот: если от вас потребуют что-то, напирая на эти священные понятия, спросите у посланника, нет ли у него чего более существенного, чем простые слова.

Он уже двинулся к двери, но, вспомнив, обернулся и тихо добавил:

– Не доверяйте сербу полностью. Будь вы в своей памяти, я бы такое не говорил, но вы... – Белли скривился, как от зубной боли, пожевал губами, подбирая слова. – Вы теперь – не совсем вы, так что... Не доверяйтесь здесь никому. А Жевричу так уж точно. Сейчас Балканы – клубок змей. Здесь все продают и покупают друг друга. А у нашего Младена еще две дочери не выданы замуж, приданное собирает. Так что...

Он резко поклонился и, не оборачиваясь, быстро зашагал к двери, тихо бросив через плечо:

– Прощайте, Петр!

Алекс, промолчавший весь монолог, только удивленно кивнул, сглотнул пересохшим горлом и выдавил:

– Удачи!

Но его никто не услышал. Агент покинул комнату так же стремительно, как до этого раздавал инструкции.

9

Жеврич помог с рукой. Он вызвал из города доктора.

Медик долго охал над ранами, тряс свой мешок с инструментами, шипел и переговаривался вполголоса с сербом. Старый венецианец, бежавший с побережья от турецких десантов и побаивавшийся всесильного начальника тайной канцелярии, был опытным пройдохой и желал знать, кто будет платить за дорогостоящее лечение.

Больной вопрос. У Потемкина денег не было.

Младен долго орал на медика. И когда тот уже совсем смирился с тем, что придется работать бесплатно, Жеврич вынул из-за пазухи кошелек с деньгами.

– Наш общий друг оставил мне некую сумму на расходы, связанные с делом, – видно было, что необходимость обращаться к фондам выводила прижимистого серба из себя. – Так что этот вопрос мы, я думаю, решим.

Доктор выдохнул, поклонился и исчез. Вернулся он под вечер. Вместе с корзиной баночек, кувшинчиков и мешочков. Кроме длинной устной инструкции на сербском, он вручил Алексу записанную памятку на латыни, которую Потемкин, благодаря полученным с телом знаниям, также смог разобрать. Правда, в этом случае понимал он через слово, но после разговора с медиком лечение уже не казалось сложным. Это втирать утром и вечером, это пить по ложке, это заваривать и промывать рану. Довольно просто, если не перепутать.

Медик настаивал, чтобы дней через десять он еще раз показался в городе. Лубки врач осмотрел и остался доволен, но заживление таких ран – дело, требующее ухода и внимания со стороны. Так что... Алексей прервал рассуждения доктора о пользе посещения докторов.

Они раскланялись, старик получил свой гонорар и удалился.

Жеврич, расставаясь с деньгами, выглядел настолько потерянным, что Алекс ощутил физическое неудобство. Пора было двигать «домой».

– А что отмечали мы вчера? – задал он вопрос, крутившийся на языке.

– Победу...

Заметив удивленный взгляд собеседника, серб продолжил:

– Ваши в Италии разгромили французов. Суворов сделал настоящее чудо! Как ему такое удается, не понимаю. Жубер убит, его войска бегут, целая куча видных якобинцев попала в плен.³⁰ Такую викторию дурно было не отметить. Мы и отметили.

Алексей пожал плечами. Возможно, так оно и было.

– Мне кажется, что я вам больше не нужен?

Жеврич улыбнулся широко и почти искренне:

– Да что вы! Можете гостить столько, сколько пожелаете... – он придвинул стул к лежанке. – Но если чувствуете, что готовы вернуться к родному для вас человеку, то я, конечно, задерживать вас не стану. Сеньор Белли требовал, чтобы я разузнал все о пропавшем агенте – я это сделал. Ведь, согласитесь, ваше появление не прошло незамеченным. А уж как Конрад был рад, что вы вывернулись из рук турок!

Серб всплеснул руками и еще раз широко улыбнулся. Потемкин согласно закивал, а сам подумал, что Белли был прав. Делать ему в компании Жеврича нечего.

– Если вы чувствуете себя готовым для дороги, то я скажу Славко, чтобы отвел вас обратно.

Младен явно выглядел довольным.

– Там еще мул был?

---

³⁰ Сражение при Нови 15 августа 1799 года. Генерал Жубер был убит шальной пулей.

Портить отношения с односельчанами из-за животинки, реквизированной для его перевозки, не хотелось.

– Конечно, конечно!

...Выехали в Грабичи они только через день.

Уже на самом подъезде к селению кабадах Славко Лазович и Потемкин столкнулись с двигавшейся им навстречу группой вооруженных людей. Это старший Джанкович, вернувшись с карательного набега, спешил в столицу, чтобы отстоять в суде или отбить с оружием своего сводного брата. Когда дело касалось крови, горцы не считались ни с кем.³¹

При расставании кабадах и арамбаши обменялись парочкой пылающих взглядов, но до угроз или оскорблений дело так и не дошло.

---

³¹ Даже одного из властителей Черногории зарезали из-за кровной мести. Горцы! Вах!

10

О том, что с ним приключилось в Цетине, и о знакомстве с Белли Потемкин так и не рассказал своему новому родственнику. Лишь заявил, что вызывали для стандартного дознания, разобрались и отпустили. Барис если и не поверил, то вида не подал. С Алексеем он вел себя как обычно, лишь избегая по возможности всяких упоминаний о последних событиях. Зато по случаю и без припоминал всякие жизненные мелочи из семейной мирной жизни в России, имена, даты, биографии родственников и прочая. Видимо, он старался таким образом пробудить уснувшую память брата. Потемкин был признателен за такую деликатность, но это же и мешало разузнать что-либо новое о действиях турок на побережье. Барис старался не поднимать тем, способных вызвать у собеседника дурные воспоминания, а если тот заводил речь первым, то всегда прерывал разговор в зародыше.

А поговорить было необходимо. Алексей не знал, как попасть домой, в двадцать первый век, так что по мере сил старался разузнать все о том, как устроен мир, в который занесла его нелегкая судьба, и приспособиться для того, чтобы провести тут остаток жизни. Турки же были не только важной частью окружающего мироздания, но и основной его заботой. Сколько бы не тянулся отпуск, ему придется взяться за то, чем занимался человек, тело которого он занял.

Можно, конечно, и сбежать от прошлого, начать жизнь с чистого листа где-нибудь в Европе. Но как только он начинал рассматривать в уме такой вариант, взвивалась болью рука, зубы сжимались, а перед мысленным взором появлялась морды толстого Али и усатого Тургера. Он знал, что скоро будет восстание в Сербии, знал, что янычар попрут с побережья, и хотел быть тем, кто выпустит жизнь из мучивших его гадов. Или хотя бы приложить к этому руку. Не убивший никого крупнее комара за свою сознательную жизнь, поборник отмены смертной казни, он, попав в век девятнадцатый, готов был рискнуть всем немногим, что у него осталось, чтобы насладиться мстостью.

Это было настолько необычное чувство, что Алекс стал сомневаться: только ли это все его личные мотивы? Не сказывается ли здесь темперамент настоящего Петра Джанковича? Нет ли в его кровожадности той исступленности, с которой предки бежавшего сербского кнеза резались с другими горцами во имя забытых причин, отмечая свой жизненный путь смертями друзей и близких и исповедуя забытый в веке двадцать первом библейский принцип «око за око»?

Потемкин постарался отрешиться, переключиться на простые житейские темы... но мысли о мести так и не исчезли.

Второе, что беспокоило парня, это участвовавшие яркие сны. С одним и тем же сюжетом: старая Бона склонилась над его спящим телом и призывно машет рукой, что-то говорит, о чем-то молит, плачет, кричит, а он ничего не слышит.

Когда он рассказал об этих снах брату, тот удивленно пожал плечами.

– Это странно, что карга смогла под крылом Морфея к тебе проскользнуть.

Барис вытянул из-под рубахи нательный крестик, поцеловал его и бережно уложил обратно.

– Крест, он для всех таких ведьм, кто в Бога не верует да с дьяволом в карты передергивает, самый что ни на есть запор на души человеческие. Пока на тебе освященный знак Господа нашего, ничего она тебе не сделает. Спи спокойно. А чтоб легче тебе стало, я нашего священника попрошу причастить тебя. Исповедь пройдешь, тела Христова вкусишь и чистым станешь, от скверны, что на тебе эти чародейки оставили, избавишься. Сны и пропадут.

Он тихо выругался.

– Тьфу! А я еще, дурак, сожалел, что их из деревни поперли. Знал бы, что такое с братом сотворят, сам бы на перекрестке закопал, да кол в сердце вбил.

Разговор прошел и забылся, а чувство нехорошее на душе осталось. Было в выражении лица старой знахарки, в ее глазах, в мимике что-то такое, не вязавшееся со зловещим образом, описанным братом. И вечером, ложась спать, Алексей незаметно снял с шеи крестик.

От ожидания чего-то таинственного сон не шел долго, но глубоко заполночь усталость взяла свое. Едва глаза смежил легкий бриз первых грез, как в дрему Потемкина ворвался образ старой цыганки.

– Наконец-то. Погоди, не бойся, ничего тебе плохого я не сделаю...

Лицо Боны было осунувшимся и изможденным, седые патлы волос растрепались, глаза стали тусклы и безжизненны.

– Умираю я, – начала она разговор. – Османы, почитатели шестого пророка вашего, верят, что ведьму нельзя убить просто. А нас, езидов, они давно только за прислужников своего иблиса огненного и держат.

Лицо старухи исказила судорога ярости.

– Глупцы! Морят нас голодом, замуровали в стене и ждут, когда мы умрем. Думают, что высушив оболочку, запрут дух детей Езида в сосуде скорби и не выпустят нашу душу. Дважды глупцы, о проклятые потомки шелудивых дворовых сук! – она нагнулась к лицу юноши. – Слушай, слушай внимательно и не перебивай.

Ведьма спешила.

– Я знаю, что ты не тот, кем тебя видят люди. Знаю, что не из мира этого. Когда поняла, то бежала из селения, – она закивала, отчего всколоченные волосы пришли в хаотическое движение, создавая вокруг старухи некий ореол. – Да, да, бежала, даже если эти боровы вокруг тебя и уверены, что выгнали меня силой.

Голос Боны скрипел все тише:

– Слушай, о человек не из моего мира, слушай и запоминай. Я знаю также, как помочь тебе. Будь ты быстрее, ты бы спас нас обоих, я верю, у тебя хватило бы для этого сил... Но ты не успеешь – это мой последний день на земле. Слушай, человек, – голос, такой яростный в начале разговора, становился все глуше и глуше. – Умирая, я все что знаю, передам внучке, кровинушке моей, моей Френи. Сына я не нашла, так что внучку потерять не имею права. Слушай! Я передам, а ты возьмешь ее, вытянешь из этого каменного мешка и получишь в награду то, что хочешь больше всего. Она поможет тебе, чужак, найти человека, способного вывести твою душу отсюда в тот мир, из которого ты родом... Если ты вытянешь Френи отсюда живой, она сделает это – клянусь кровью ее и своей!

Цыганка громко охнула и закачалась. Видимо, сеанс такой связи отнял у нее последние силы:

– Верь мне, человек... Верь мне, ибо я умираю, и уже нет сил убеждать тебя дольше.

Алекс смог только спросить:

– Ка-ак?

Старуха отмахнулась.

– Захочешь, увидишь сам... Мы в новой крепостной стене у Котора. Ты найдешь... Спеш, человек не из моего мира. Спеш!.. И помоги моей внученьке, если уж не смог помочь мне...

Образ пропал. Потемкин проснулся.

Он долго плескал себе в лицо холодную дождевую воду из ведра на крыльце. В доме раздавался могучий храп Бариса и тонкие рулады старого Мирко. Вокруг простиралась заснувшая деревня, над головой манила бездонная звездная бесконечность, было муторно и страшно.

– Как?! – он вспоминал последние слова старухи, ее предложение и понимал, что ему сейчас бросили то, на что он уже не мог и надеяться. Пускай ниточку, но надежды! – Как?!

Чью помощь она сможет предложить? Кого надо найти? Кто может ему помочь? Ему, заброшенному почти за двести лет до собственного рождения, в тело другого человека? Кто

еще способен на перенос души через время, если тот, кто сделал это, мертв там, в веке двадцать первом, и еще не рожден здесь, в веке девятнадцатом?

И тут же в голове всплыл давно очевидный ответ. Алекс застонал от собственной неспособности заметить то, что все это время лежало на поверхности под самым его носом. Губы парня сложились и выдали единственно правильный вариант:

– Нелли!

Глава 4

Нелли

1

Жжение в груди парализовало легкие. Хотелось вздохнуть, но каждое движение отзывалось такой болью, что скрюченное в агонии тело отказывалось повиноваться.

Нелли умирала.

Ощупью она нашарила руку деда. Старик упорно читал над головой заклинание. Что-то свое, древнее, забытое.

В низу живота начал разливаться холод. Не прохлада, не легкие мурашки озноба, а пробирающий, леденящий, превращающий теплое податливое живое тело в абсолютное ничто хлад смерти. Из глаза потекла одинокая слеза.

Как же хотелось жить! Не важно как, лишь бы еще вдыхать ароматы цветов, ощущать на ладонях чужую руку, пропускать через пальцы журчащую воду по утрам, смеяться, петь, разговаривать, думать! Как хотелось жить!

Нелли одними губами начала повторять за дедом слова заговора. Непонятные, чужие.

Она верила, что даже на краю он еще способен побороться... За нее, за себя. А раз так, значит, она тоже должна... Верить, искать, пробовать.

Слова начали приобретать смысл, складываясь в воспаленном сознании в причудливую мешанину ярких необычных картин. Фантазмагорию, бред. Неужели такое приходит в последние мгновения? Или?

Она ощутила короткое пожатие.

В комнату влетел Алекс. Его лицо расплывалось в дымке, таяло и отекало, странно меняясь, оплывая, обретая незнакомые черты и краски.

Дед говорил, но она не различала слов – лишь старалась удержать сознание от падения в заготовленную яму небытия. Будто что-то последнее, слабое, шаткое, тонкое, держало ее на краю.

Сухая рука легла в ладонь. Холод в низу живота замер на долю секунды.

Голос деда окреп.

И она упала...

2

Звук поначалу показался далеким и чужим. Кто-то тер железом по дереву. Шум повторился, отозвавшись в голове взрывом боли, и Нелли ойкнула.

Сморщенная старуха в засаленном переднике изумленно остановила работу, отложила скребок. А затем кинулась к лежащей в углу девушке.

– Фирюза, деточка! Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что я говорю?!

Нелли кивнула.

Кто эта старуха? Почему на ней лишь протертый до дыр старый халат и какие-то обноски вместо нижнего белья? Тело непривычно ломило.

Где дед?!

Девушка оглянулась. Старуха, шамкая беззубым ртом, теребила ее за руку, что-то быстро спрашивая и не дожидаясь, сама отвечала, поддакивала, кивала. Сумасшедшая?

Потянулась, тут же в боку заболело. Откуда синяк? Где деда и Алекс? Где она сама?

– Послушайте, ува... – Нелли охнула и закрыла ладошкой собственный рот.

Родная речь вылетала изо рта корявой хрипящей белибердой.

Старуха опешила, замолкла на секунду и тут же разразилась длиннющей тирадой. Слова упрека в ней легко перемежались обидами на мир, старческим брюзжанием, охами и ахами. Неправильным было только одно. Бабка причитала на турецком языке.

Нелли не успела даже понять, к чему это все, как в боку опять что-то заболело. Она отодвинулась. В поясницу ей упиралось полотно большого зеркала. Широкое, в богатой оправе. С заметной царапиной внизу. Такое же она натирала, готовя сеанс нефтяной вдовушке. Такое же? Девушка взгляделась пристальней. Это! Лишь золота на оправе сейчас было побольше, да полотно еще сохранило ясность.

Она отстранилась от тихо бормочущей старухи.

Сверху послышался скрип двери. Повелительный возглас вернул бабку к отложенным делам.

Все, что разобрала Нелли, было:

– Хвала Госп... Аллаху, деточка. Не держи на меня зла за тот раз...

– Баби-калфа, ты собираешься работать, или мне приказать вылить твой обед в канаву?

Голос шел из-под потолка.

Старуха согнулась в поклоне и быстро залепетала:

– Сейчас, сейчас, о уважаемая ханум. Я только порадовалась за Фирюзу, которой всемиловитивейший Аллах вернул ее разум.

– Правда?

Перестук сандалий или туфель, и над Нелли склонилась еще одна колоритная особа. Дородная тетка в десятке всевозможных юбок, поверх которых напылен еще и халат, дорогие ручной работы сапожки смотрятся нелепо рядом с вуалью, укрывшей половину лица и закутавшей шею. Бабища скептически осмотрела фигурку Нелли, вжавшуюся в свой угол и, хмыкнув, выпалила:

– Не похоже.

Баби, не разгибаясь из поклона, пихнула Нелли ногой. Больно!

Девушка охнула и схватилась за ушибленную голень. Сквозь зубы тихо выскочила парочка ругательств.

Тетка удивленно закатила ярко накрашенные глаза, склонила голову.

– Аллах велик!

Бабка рядом поддакнула.

Но взгляд тетки скользнул дальше, за спину девушки. Глаза матроны недобро сузились.

– Это зеркало, которое господин поручил вам привести в порядок?

Бабка бухнулась на колени.

– Откуда это?! – тетка тыкала пальцем в ту самую заметную царапину на нижней планке. – Кто?!

Баби заверещало что-то жалостливое, но тетка не слушала оправданий. Выхватив из-за пояса тонкую кожаную плетъ, она обрушила на тело пресмыкавшейся старухи град ударов. Перепало и Нелли, не знавшей как себя вести и как реагировать.

Взрыв ярости прошел так же внезапно, как и начался.

– Отнесешь наверх! Протри и больше пальцем не дотрагивайся! – тетка укрыла плетъ в складках пояса. – Хозяину скажу, что проклятый чертопокклонник сам эту царапину нанес! Скажу, что так и было!

Она подхватила края юбок и посеменила прочь.

Услышав обещание толстой матроны, старуха Баби упала на пол и начала быстро тараторить, перемежая слова благодарности цветистыми восхвалениями милосердия благодетельницы. Звали ушедшую толстуху Зухрой.

Этот спектакль абсурда стал уже выводить из себя несклонную к терпению Заволуюжную. Но от реплик она удержалась. По крайней мере, до тех пор, пока топот ног обладательницы кожаной плетки не затих в отдалении.

Баби поднялась, невозмутимо отряхнула свой потрепанный халат и плюнула во след ушедшей.

Потом повернулась к девушке и улыбнулась.

– Хвала... Аллаху... – бабка склонила голову. – Кажется, пронесло.

3

Она попала в прошлое! Глупо, нереально, абсурдно. Сюр! Театр одного актера! Но... Факты были слишком красноречивы. А против логики, какой бы она не казалась фантаσμαгоричной, переть нельзя.

Нелли потянулась и еще раз осмотрела себя в хозяйское зеркало. Легкий изгиб курносого носа, темные кучерявые волосы, глаза – все похоже, но все не ее. В богатой рамке, напротив, крутилась и приседала совершенно незнакомая юная особа. Четырнадцать лет, довольно симпатичная для своих годков, но... чужая. Тонкие ручки, едва округлившиеся бедра и груди, только наметившие свои бугорки, засаленные волосы под ветхим платком. Девушка провела ладонью по ткани платья. Незнамо зачем, под толстый, пускай и местами прохудившийся халат, бабка поддела «внучке» сразу три юбки и ватные штаны. Теперь Нелли парило и клонило в сон.

Баби же радовалась, как умела. Бывшая невольница турецкого палача давно забыла своих родных. Затерлось временем лицо умершего мужа, расплылись за давностью лет силуэты детей и племянников. Тридцать лет назад сербская рабыня Златка приняла из рук отца Али свет веры, произнеся в присутствии своего хозяина и его друзей шахаду.³² С тех пор сербка почти забыла имя, полученное при рождении. И не вспоминала бы его до самой смерти, если бы судьба не послала ей к старости возможность снова почувствовать себя тем, кем она была давным давно – матерью и воспитателем.

Восьмилетнюю Фирюзу старухе отдала ханум Зухра, старшая жена палача Херцег-Нови. Тогда они все жили далеко отсюда, в Нише. Дряхлеющая Баби, разменявшая уже шестой десяток, должна была передать новой прислужнице все, что умела и знала, обучить работе на кухне, шитью, выбору продуктов на рынке, прислуживанию госпоже и еще сотне важных вещей. Но нерастраченная привязанность сыграла глупую шутку – старуха полюбила малышку, а потом и вовсе начала считать ее своей внучкой.

Вместо учебы девочка болталась по двору женской половины дома, спала в многочисленных закутках, носилась с хозяйскими собаками или околачивала персики и абрикосы в саду. Конечно, в дожди и ненастье, особенно, после очередной проделки и полученной взбучки ей приходилось корпеть за плитой или возиться с иглами. Но перенимать все, что умела и могла многомудрая «бабушка», Фирюза не стремилась.

Повзрослев, девушка стала еще более вздорной и разбалованной, как только может быть разбалована одна рабыня другой. А, переехав в отвоеванные Турцией у заносчивых австрийков сербские земли, и вовсе от рук отбилась. То разозлится на свою наставницу и кувшин разобьет, то попортит вышивку или распустит вязание. Переходный возраст. Баби это довольно стойко переносила, прощая своей воспитаннице многое. Но не все.

Когда два месяца назад Фирюза вместо овощей для хозяйского стола на все выданные ей куруши³³ накупила сладостей и объелась до расстройства желудка, Баби впервые взялась за «ремень». После такого «позора» отстеганная, зареванная любимица не нашла ничего лучше, чем броситься со скалы.

Есть поговорка, что Бог бережет дур, детей и алкоголиков. Фирюза не погибла, даже серьезных телесных травм не получила – царапины, ушибы, пару вывихов. Видимо, подсознательно выбрала вполне приличный пологий склон. Лишь голову повредила.

С тех пор «внучка» перестала понимать простые вещи. Ходит, дышит, кушает, но не говорит. Даже односложными предложениями. Лишь мычит и тыкает куда-то пальцем. Не будь

³² Шахада – установленный текст о принятии мусульманской веры (Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его).

³³ Куруш – оригинальное турецкое название пиастра, основной монеты Порты.

к малолетней дурочке так привязана Баби, которую в доме считали почти родной, Фирюзу бы давно продали. Но боясь разбить старое сердце, пока терпели.

Баби не находила себе места.

Местные лекари один за другим только разводили руками. Толстый Али Азик не пожалел денег, да и сама старуха поднакопила немного, но их усилий было явно недостаточно.

Последним Баби решила обратиться к ученому табибу из самой Персии. О езидах, еретиках-огнепоклонниках в стране ходили легенды. Изгнанные со своих земель последователями шестого пророка³⁴ хранители древних знаний старались расселиться по краям «цивилизованного» мира. Езиды уходили в горы, уезжали в безлюдные местности и селились на окраинах Порты, надеясь, что здесь, у самой черты, их не будут доставать с вопросами веры. Они ошибались. И платили за это сполна.

Пир, живший в Которе, остался в городе со времен владычества Венеции. Кучерявые итальянцы сквозь пальцы смотрели на вероисповедания, больше внимания уделяя навыкам своих граждан. А езид слыл знатным медикусом.

Австрийцы, захватившие город три года назад, также не заинтересовались стариком. И когда католиков на улицах сменили пестрые воины мусульман Порты, езид верил, что пронесет и на этот раз.

Седобородый, горбоносый, сухой как палка, с изможденным осунувшимся лицом. По просьбе старой Баби, люди хозяина достали огнепоклонника из зиндана. Туда янычары бросали всех, кто не внушал им особого доверия... или был способен заплатить богатый выкуп. Теперь старый лекарь пошатывался перед креслом толстого Али. Рядом крутилась и приседала старуха.

То, что хозяин, такой озабоченный чем-то всю неделю, сразу откликнулся на просьбу своей кормилицы, бросил все дела и лично допрашивал вытребованного медика, не вызвало у Баби ни малейшего подозрения.

– Ты сможешь вернуть ей разум, езид?

За последние дни Али осунулся, потерял в весе. В уголках обычно холодных спокойных глаз затаился страх, взрывающийся вспышками беспричинного гнева, приступами ярости и долгой отупляющей меланхолии. Теперь же, при допросе, в речь палача вернулся азарт жизни. Как будто судьба случайно протянула толстому садисту ниточку надежды.

Фирюза сидела тут же. По бездумному лицу, из уголка губ, катилась слюна. Глаза глупо тарасились на стену, руки сложены на коленях.

Старик долго всматривался в пустые, лишённые выражения зрачки. Потом кивнул.

– Я верну ей разум, бей. Ее ли он будет – не знаю... Но то, что эта кукла снова станет человеком – я могу обещать... Если ты...

Али прервал лекаря.

– Потом угрозы и требования... Сделаешь хорошо, и тебе придется повторить чудо еще раз... Потом.

– Ты отпустишь меня, о бей?

Али ухмыльнулся.

– Ты еще спрашиваешь?... Конечно!

Езид долго всматривался в расплывшуюся рожу своего недавнего истязателя. Вздыхнул и попросил старуху:

– Мне нужен гладкий полированный предмет. Лучше – зеркало.

Али кивнул. Баби умчалась наверх, чтобы через десяток минут вернуться с большим зеркалом, доставшимся обладателю дома от прежних хозяев. Чистота полотна и дорогая отделка

---

³⁴ Мухаммед. Пятый пророк – Исса, Иисус Христос.

выдавали благородное происхождение вещи. Продукция острова Мурано³⁵ была известна по всему Средиземноморью и ценилась очень высоко, но сейчас Али не стал скаречничать.

Пир уложил девушку на пол так, чтобы руки ее легли на полотно зеркала. Затем уселся сам, положил пальцы на лоб безумной и начал заговор. За спиной Али набычились здоровенные подручные палача. Только авторитет хозяина удерживал их при виде совершающегося акта дьяволопоклонения.

Езид бормотал минут десять. Потом откинулся измочаленный и глубоко выдохнул:

– Все...

Бабка метнулась к девушке. Та спала беспробудным сном.

Лицо Али перекосила гримаса.

– Если это все – только шутка, то...

Старик замахал руками.

– Разум покинул тело уже давно. Новому духу надо время, чтобы освоиться.

– Новому?

Колдун замялся.

– Когда дух возвращается в тело... надо больше времени... Чтобы...

Али зашипел:

– Мне уже нечего ждать, базарный ты зазывала! Если эта дурочка не очнется снова нормальной, то ты... ты...

Езид склонился:

– Она очнется!

Али откинулся в кресле, выдохнул, подождал минуту и нетерпеливо рявкнул:

– Когда?

Пир пожал плечами:

– Иногда могут спать и день.

Палач зашипел.

– Уберите ее куда-нибудь. Не могу же я сидеть и смотреть, как она спит в свое удовольствие! Как евнух при гареме!

Один из подручных подхватил тщедушное тело девушки и под присмотром Баби унес его в подвал.

Старца связали и бросили в чулан.

Вечером Фирюза очнулась. Она смогла говорить, что-то спрашивала.

Разом помолодевший Али тут же умчался в Кровавую башню, место заключения самых опасных преступников побережья. Пятеро янычар, вызванных из крепости, конвоировали туда же связанного езида. Палач не желал ждать ни минуты.

---

³⁵ Остров, принадлежавший Венеции, на котором было налажено производство лучших и самых дорогих в то время зеркал.

4

Ей здесь определенно не нравилось.

Шутка ли – попасть в тело рабыни? Конечно, если присмотреться хорошо, тщательно и со старанием, это действительно не самый страшный вариант. В конце концов, хозяева кормят, поят, одевают и не слишком спрашивают за не самую сложную работу... Но ведь могла же попасть в тело принцессы, графини... Хотя бы дворянки...

Нелли представила себя в платье на балу. Этакая Наташа Ростова – рюшечки, кружева, туфельки из Парижа. Она посмотрелась в медный поднос, начищенный до зеркального блеска. Носик пуговкой, поблескивают черненькие глаза, протертый в нескольких местах старый халат лишь подчеркивает безысходность. Никаких перспектив!

Девушка вернулась к работе – натиранию хозяйской посуды. Угораздило же ее попасть именно сюда?! Как это объяснить?

Рок?!

Она быстрее заелозила по подносу. На начищенную поверхность упала крупная тень, тут же спину ожег удар половой тряпки. Нелли вскочила, как подброшенная пружиной, поднос сам собой прыгнул в руки, взлетая для ответного удара.

В последнюю секунду девушка сдержалась.

Напротив ее замерла грузная туша старшей жены хозяина дома. Зухра, видимо, опешила от такой реакции безответной рабыни и теперь не могла определить, как реагировать на вспышку.

Поднос, занесенный для удара, бессильно опустился на пол, и старшая жена перешла в атаку:

– Ты что, совсем обезумела? Никак память не вернется? Ты зачем блюдом махаешь?

Она больно ухватила девушку за щеку. Та сжалась, скривилась, но не вырывалась и терпела.

– Может, думаешь, что до старости лет будешь углы околачивать и за спину Баби прятаться? – Зухра-ханум сменила тон с истерично-злобного на привычный менторский. – Когда же работать начнешь так, как надо? Мне и старушке, что души в тебе не чает, помощницей станешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.